

9 Серл

КИНОДЕТЕКТИВЫ

ей

Лаз
ков

12+

Сергей Алексеевич Глазков

Кинодетективы 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53663941

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06615-1

Аннотация

В девятом сборнике кинодетективов Сергея Глазкова собраны сценарии сериалов «Черный человек, или Секретное письмо генерал-аншефа» и «Удивительные приключения школьника Геннадия Стратофонтова».

Содержание

Черный человек, или, Секретное письмо генерал-аншефа	4
Первая серия	4
Вторая серия	64
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Черный человек, или, Секретное письмо генерал-аншефа

Первая серия

1

Панорама Санкт-Петербурга 1788 года. По улице торопится Игонькин. Его лицо сияет радостью. Он сдерживает себя, чтобы не бежать. Брусчатка громко отзывается на его подбитые коваными гвоздями каблуки. Прохожие вежливо расступаются, пропуская молодого офицера. Он сворачивает в узкую улочку и открывает массивную дверь.

2

Игонькин врывается в дом, останавливается в центре прихожей и тут же кричит:

– Маменька! Маменька!

Все двери открываются. Из комнат в прихожую выглядывают все домочадцы. Из дальней комнаты выбегает моложа-

вая маменька.

– Маменька! Я получил назначение!

– Куда? – спрашивает маменька.

– В Очаков! – Гордо отвечает молодой человек, – К самому Суворову, маменька!

Игонькин подхватывает маменьку на руки и кружит по всей прихожей.

– Я буду офицером по особым поручениям у самого генерал-аншефа!

– О, Господи, Серафим! – Пугается маменька, – Там же война с бусурманами!

Игонькин ставит маменьку на пол, поправляет мундир и становится по стойке «Смирно!»

– Маменька, я не могу оставаться в стороне, когда враг у ворот.

Маменька, а затем все домочадцы начинают голосить...

3

На высоком берегу моря сидит древняя одноглазая старуха, перебирает в руках отполированные кости. На плече – черный ворон. Максим и Жан идут мимо по дороге, споря друг с другом.

– И не уговаривай меня, Максим, – говорит Жан, – я должен доказать отцу, что тоже достоин носить титул графа.

– Жан, для этого не обязательно отправляться на войну, –

убеждает Максим, – Отец будет недоволен.

– Максим, ты мне, как брат. Я всегда прислушивался к твоему мнению, но теперь я поступлю так, как посчитаю нужным.

Пройдя мимо одноглазой старухи, они слышат сладостный голос.

– Касатики, подайте несчастной скиталице на пропитание немного денег. Вы же люди не бедные. А я вам погадаю.

Максим и Жан поворачиваются. Максим дает старухе немного денег.

– Держи, скиталица.

Старуха бросает перед собой кости.

– А гадать нам не нужно, – останавливает её Жан, – Мы сами с усами...

– Свою судьбу сами определим, – поддерживает названного брата Максим.

– Как хотите, касатики, – отвечает старуха, – только потом не пожалейте о том, что сейчас не узнали.

– Я никогда ни о чем не жалею, – весело произносит Жан.

Максим и Жан продолжают путь. Одноглазая старуха смотрит на кости, а потом вслед молодым людям.

– Зря, касатик... Зря... На войну отправишься и сгинешь там от казацкой сабли... Которую брат твой в руках держать будет...

Одноглазая старуха качает головой. Ворон громко каркает.

4

Утро. Солнце поднимается из-за горизонта.

Громко орёт петух, возвещая о начале нового дня.

На берегу мы видим крепость Очаков. Её стены выложены из огромных камней, обмазанных сверху глиной.

Слева от крепости разбит палаточный лагерь русской армии, справа располагается хутор, состоящий из нескольких низких белённых хат под соломенными крышами. А посередине на перекрёстке дорог примостился постоялый двор. Одна дорога ведет к лагерю, вторая – на хутор, третья – в крепость, а четвертая – на ярмарку в Николаев.

5

На берегу русские солдаты устанавливают штабную палатку. Ставят крепления, натягивают верёвки, забивают колья, равняют землю. Несколько гренадеров поднимают высокий флагшток со штандартом генерал-аншефа Суворова. Сам Суворов проходит по палаточному лагерю, проверяя работу солдат.

Выйдя на берег, Суворов садится на большой валун и с помощью денщика Герасима снимает высокие сапоги.

– Спасибо, родной! – Благодарит генерал-аншеф.

К Суворову направляется Игонькин. Приближаясь к генерал-аншефу, он браво марширует, разбрызгивая воду. Суворов машет ему рукой.

– Будет, Игонькин! Задор сей показывать будешь в бою, а не передо мною.

Офицер останавливается и вытягивается перед Суворовым.

– Там я письмо для князя Потемкина написал, – говорит генерал-аншеф, – так доставь его быстрее. Денщик мой, Герасим, тебе его отдаст.

Офицер щелкает в воде каблуками. У него это получается неуклюже. Суворов улыбается, потом напускает на себя строгий вид.

– И чтоб одна нога – там, а другая здесь! Ясно?

– Так точно! – Отвечает Игонькин.

– Ступай.

Офицер четко поворачивается, марширует, разбрызгивая воду, и выходит на берег. Суворов, улыбается, глядя ему вслед.

6

Максим в лодке недалеко от берега. Слышны выстрелы. Максим прислушивается.

7

По берегу бежит Игонькин, переодетый в простецкую одежду. Его преследуют янычары, стреляя из ружей. Пули бороздят землю рядом с Игонькиным, но он ловко уклоняется от них.

Беглец поднимается на кручу, внизу которой плещется Черное море. Поднявшись наверх, Игонькин разгоняется и прыгает вниз.

Турки, оказавшись на вершине, смотрят на поверхность воды, ожидая появления сбежавшего.

8

Игонькин выныривает у лодки, в которой сидит Максим. Максим, оценив обстановку, протягивает Игонькину руку.

– Давай руку! Скорее!

Игонькин с помощью Максима быстро оказывается в лодке.

9

Янычары открывают шквальный огонь из ружей по лодке.

10

Игонькин смотрит на берег, оценивая расстояние от лодки до янычар.

– Давай убираться отсюда, пока они не спустились вниз, – просит он Максима.

– Это мы можем, – отвечает тот и налегает на весла.

11

По берегу тихо пробирается небольшой отряд янычар. Среди них – Ышик. Командует отрядом Тюркай. Прячась за прибрежные заросли ивы, они крадутся к деду Сирку, который изо всех сил тащит на берег сеть с уловом, выловленный под покровом ночи на нейтральной территории. Тюркай жестами приказывает янычарам окружить рыбака. Четыре человека устремляются выполнять его приказ.

Услышав шум, дед Сирко оглядывается.

Турки залегают на землю. Их халаты сливаются с прибрежным песком.

Не заметив ничего подозрительного, дед Сирко продолжает рыбачить. Выйдя на отмель с уловом, он попадает в руки турецких лазутчиков. Тюркай приставляет к горлу деда кривую саблю. Дед роняет полные сети в воду, рыба момен-

тально расплывается в разные стороны. Янычары пытаются спасти улов, но тщетно. Тюркай со злостью выталкивает деда Сирка на берег. Ышик связывает ему веревкой руки.

12

Максим ловко управляетя с веслами. Игонькин, лежа на дне лодки, приподнимает голову и с опаской вглядывается в берег.

– Не бойся, офицер. Они нас уже не догонят, – говорит ему Максим.

Игонькин с удивлением смотрит на Максима.

– А почему ты решил, что я офицер?

Максим весело хмыкает.

– Это у тебя на лбу написано.

Игонькин принимается вытирать лоб. Потом понимает, что Максим шутит.

– Везешь секретное письмо Потемкину от Суворова, – добавляет Максим.

Игонькин тревожно смотрит на него. Затем быстро вынимает пистолет и направляет на Максима.

– А ты кто такой?

– Максим. Тот, кто тебя от турок спас.

Игонькин недоверчиво осматривает его.

– А откуда узнал, что я русский офицер?

– У солдата сапоги – кирзовые, – объясняет Максим, – а

у тебя лайковые и подбиты подковками.

– Может я турецкий лазутчик? – Говорит Игонькин.

– За которым турки по берегу гонялись... – с улыбкой продолжает Максим.

Офицер прячет пистолет.

– А откуда узнал, что я от Суворова?

– По малиновому цветку, что в петлице, – показывает Максим на цветок, – Это малёвка. Растет только на берегу Буга в районе Овидиополя.

Игонькин вынимает из петлицы цветок.

– Только глухой не слышал, что в Овидиополь пожаловал Суворов, – говорит Максим, – Вот и выходит, что ты – русский офицер, который прибыл для взятия Очакова.

– Продолжай дальше, Максим? – Просит Игонькин.

– Переодеваться в мужицкие наряды ты просто так не будешь, значит, отправился по заданию.

– Правильно!

– Кто может послать на задание офицера? Суворов. А к кому он пошлёт? Только к князю Потёмкину.

– А на счёт секретного письма, как узнал?

– Так ты ж поминутно проверяешь: на месте ли оно?

Игонькин замечает, что держит руку на рубaxe, под которой спрятано письмо, и быстро одергивает руку. Максим смеется. Игонькин с восторгом смотрит на своего спасителя:

– Ты меня удивил!

Максим прекращает грести, сушит весла.

– Может, заменишь меня? Я, между прочим, второй день веслами перебираю.

– Это можно... – соглашается Игонькин.

13

Постоялый двор огорожен высоким забором.

В центре двора стоит огромная подвода, на которой при-
мостилась Дарина. Ей приблизительно 30 лет. Женщина
в самом соку. Чернявая демоническая красавица. Но за
неприступной внешностью скрывается добрая и отзывчивая
женщина, которая готова со всеми поделиться и хорошим, и
не очень. Сама определяет, кому позволить любить её. Зани-
мается торговлей. Продает то, что выросло у неё на грядках
и в саду. Иногда, отдает за бесценок товары, да и себя в том
числе. Ну, любит она мужчин! И пользуется у них успехом.
Злые языки говорят, что она ведьма. Она сердобольна, как
только узнает, что от неё требуется помощь, сразу же броса-
ется помогать, иногда даже во вред себе. Ей нравится уха-
живания хорунжего Чуприны, но она не хочет связывать се-
бя с ним любовными отношениями. Любит его по-братски,
ведь он младше её по возрасту. Сейчас она слушает расска-
зы хорунжего Чуприны, которые тот шепчет на ухо. За ни-
ми безразлично наблюдает сотник Крутиус, примостившись
у переднего колеса.

Сотник Крутиус – командир сотни казаков, а хорунжий

Чуприна – командир отряда ополчения. Обоим по 25 лет. Яркие представители украинской армии, которая воевала на стороне России под предводительством графа Румянцева. Оба балагура, оба любители выпить, оба бесшабашные храбрецы, искатели приключений, как военных, так и любовных. Отличаются друг от друга только статью и выправкой. Сотник Крутиус низкий и плотный, а хорунжий Чуприна длинный и худой. Чуприна безумно влюблен в торговку Дарину. Сотник Крутиус помогает ему наладить с Дариной любовные отношения. А мужественный Хорунжий каждый раз бросается совершать героические поступки, чтобы доказать Дарине, что он достоин того, чтобы его любили.

Напротив ворот располагается большой глинобитный дом под соломенной крышей, правую сторону которого занимают гостевые комнаты и комната хозяев.

На крыльце стоит Исаак – опытный, битый жизнью еврей, который ассимилировался в украинскую жизнь. Очень шустрый, несмотря на тучную фигуру. На голове – чуб, который он расчесывает по-разному в зависимости от того, кто у него в гостях. Является хозяином постоялого двора, который стоит на нейтральной территории между русскими и турецкими войсками, поэтому Исаак старается ладить со всеми: турками, русскими и украинцами. Любит деньги, поэтому делает все, чтобы их заработать. Знает, что его жена Милка ему изменяет, но он закрывает на это глаза в силу своего возраста, относится к этому факту философски. Ради выгодного дела

согласится дружить с самим дьяволом и его нечистой свитой. Сейчас он следит за тем, что делается на постоялом дворе.

С левой стороны от дома находятся сеновал и хлев. Бывший солдат Скорик, а ныне слуга на постоялом дворе, переносит сено из сеновала в хлев. Справой стороны от дома – открытая кузня, где орудует молотком Иван – молодой, красивый парень с недоужинной силищей. Может на себе переставить лошадь с места на место. Добрый, как все большие люди. Кузница, в которой работает Иван, находится на постоялом дворе, поэтому живет он тут же. Для работы в кузнице его привлек Исаак, однажды увидев на ярмарке, как Иван руками гнул подковы. Исаак заплатил родителям Ивана отступные и забрал его к себе в услужение. Иван счастлив, потому что не нужно ни о чем думать. На постоялом дворе его хорошо кормят, поят и одевают.

Между домом и кузней помещается поленница.

На пеньке сидит дьяк Омелько и щелкает семечки, жадно наблюдая за Милкой, которая развешивает на веревку выстиранное бельё.

– Прислушайся ко мне, дитя нерадивое, – говорит дьяк, – Верное средство от напасти советую. Чтоб извести нечистую, нужно окропить ваш двор святою водою.

– Не трогает нас черный человек, – отвечает Милка, – Чего его беспокоить? Пусть себе бродит, если ему хочется.

– До поры до времени не трогает, – не унимается Омелько, – А как тронет, так поздно будет.

Возле кузни выкопан колодец, у которого стоит высокий журавель с деревянным ведром, висящим на веревке. Племянница Хая, набирает воду в таз, тащит таз в дом, переступая через домашнюю птицу, которая бежит по двору.

14

Первый сон Максима: Максиму снится, что он идет по воде, как по суше, направляясь к берегу, что на берегу стоит София с хлебом и солью. Максим движется навстречу ей.

– Здравствуй, красавица!

Максим кланяется в пояс.

– Здравствуй, Максим, – отвечает она, – С возвращением тебя!

– Спасибо...

София протягивает Максиму хлеб с солью.

– Прими от всего сердца.

Максим тянет руки, чтобы взять хлеб, но вода вдруг уходит у него из-под ног. Максим начинает трястись...

15

Игонькин трясет Максима за плечо. Максим открывает глаза.

– Просыпайся, Максим! – будит его офицер, – Мы на ме-

сте.

Они причаливают к берегу. Максим спрыгивает с лодки, смотрит по сторонам и с радостью вдыхает свежий воздух.

– Дома...

– Голову спрячь! – Советует Игонькин, – Неизвестно, кто нас встречать может. Турки или наши...

Максим пригибается. Игонькин отталкивает лодку от берега и вместе с Максимом поднимается вверх по высокой глинистой круче.

16

По дороге идет отряд янычар, направляясь в осажденную крепость. Среди них – Ышик и Тюркай. Ышик за веревку тащит деда Сирка.

Игонькин и Максим выскакивают на дорогу и оказываются лицом к лицу с турками.

– Русские! – Кричит Тюркай.

– Турки! – Орет Игонькин.

Все быстро вытаскивают сабли, готовясь к стычке. Ышик оттаскивает в сторону деда Сирка. Остальные янычары бросаются на Игонькина и Максима.

Происходит бой. Максим ловко орудует саблей, лихо отбивая нападения. Расправившись с одним янычаром, Максим быстро выводит из боя второго и переключается на третьего – Тюркай, который, бросив драться с Игонькиным, ата-

кует Максима.

Игонькин ранит своего противника и наблюдает за поединком Максима и турка.

Туркай оказывает яростное сопротивление, но в пылу боя роняет саблю. Максим, чтобы уравнивать силы, отбрасывает в сторону свою саблю и продолжает сражение, ловко используя руки и ноги. Осыпая Туркаю пощечинами, Максим высокими ударами ноги оттесняет турка назад. Янычар понимает, что проигрывает, бросается наутек.

Максим и Игонькин поворачиваются к Ышику, который, застыв на месте, наблюдает за происходящим.

– Ты ещё здесь?

Ышик бросает веревку и тоже сбегает под свист деда Сирка. Дед Сирко машет вслед кулаком.

– Попадись ты мне ещё раз, нехристь!

17

В ворота громко стучат. Все поворачиваются на стук. Скорик бежит открывать.

– Кого это нечистая принесла? – Спрашивает Хая.

– В такое время, Хая, любому гостю нужно радоваться, – отвечает Исаак, – Без постояльцев скоро прогорим.

Скорик открывает калитку. Во двор заглядывает одноглазая старуха. На плече у неё сидит черный ворон.

– Хозяева, вы всех на постоя принимаете? – Задаёт вопрос

старуха.

– Всех, уважаемая, – говорит Исаак.

– И меня примете?

– И вас.

– Спасибо, хозяин, – благодарит старуха, – навеки запомню твою ласку.

Она проходит по двору, направляясь в дом. Исаак идет за ней. Дьяк Омелько крестится, глядя на одноглазую старуху.

18

Разгоряченные после битвы, Максим и Игонькин, улыбаются, часто дышат, рвут руками сухую траву и обтирают ею кровь с клинков сабель. Дед Сирко разоружает лежащих янычар, отбросив их оружие подальше в кусты. Далее забирает трофеи, кошельки с туго набитыми золотыми.

– Здорово ты дерешься, парень! – Хвалит Максима дед.

– Это французское боевое искусство, дед, – объясняет Максим, – «Сават» называется. Им марсельские моряки хорошо владеют.

– Какие моряки? – Спрашивает Сирко.

– Из французского города Марселя?

– Это далеко от Киева?

– Очень далеко, – говорит Максим.

– Молодцы! – Качает головой дед, – Такая глухомань, а как дерутся!

Максим и Игонькин переглядываются и принимаются улыбаться.

– Да уж, «глухомань»!

– А зовут-то вас как, хлопцы? – Интересуется дед Сирко.

– Зачем тебе, дед? – Задает вопрос Игонькин.

– Чтоб свечки в честь вас в церкви поставить за благополучное спасение раба божьего Сирка. Меня, стало быть.

– Меня зовут Серафим Игонькин, – представляется офицер, – а его – Максим.

– Максим Танцюра, – добавляет Максим.

– Ну, вот и познакомились! – Улыбается беззубым ртом дед Сирко.

Максим и Игонькин прячут сабли в ножны и собираются у дороги. Дед Сирко вертит в руках три кошелька с золотыми монетами, изъятые у турецких солдат.

– Поделимся по-братски?

Игонькин мнетя, но всё-таки берет кошелек и прячет в карман.

– Спасибо за компанию, Максим, – говорит он, – Но мне пора. Я и так надолго задержался.

– Счастливой дороги, офицер! – Прощается с ним Максим, – Больше туркам не попадайся.

– Постараюсь.

Игонькин быстро растворяется в темноте. Максим поворачивается к деду Сирку.

– Диду, а далече отсюда Лиманы?

– Верст пять будет, – чешет затылок дед.

– До утра доберусь?

– А как же, – кивает дед, – Я тебе дорогу покажу. Мне как раз туда.

Максим набрасывает на плечо сумку и идет по дороге. Дед Сирко торопится за ним.

– Нам до восхода крепость проскочить надо, пока турки спят, – предупреждает дед, – Если не успеем, в обход придется чапать.

19

Старуха проходит в шинок. Исаак следует за ней.

Шинок украшен в охотничьем стиле. На стенах висят охотничьи трофеи: муляжи голов диких животных. От света свечей и открытого каминного огня головы убитых зверей выглядят зловеще, обнажив клыки и острые зубы. Исаак мнетя. Старуха осматривается.

– Мне здесь нравится. Здесь я и поселюсь. Надолго.

Одноглазая старуха подходит к столу.

– А гроши у вас есть, уважаемая? – Интересуется Исаак.

Старуха роется в складках широкой юбки, выуживая золотую монету. Кладет её на стол. Исаак почтенно кланяется гостье.

– Это же другое дело... Чего желаете?

– Ужин и мягкую постель, хозяин!

– За ваши деньги, уважаемая, – радостно отвечает хозяин постоянного двора, – я вам и «Гопак» станцюю.

20

Максим и дед Сирко идут по дороге.

– А откуда ты? – спрашивает дед.

– Из плена.

– Что ты говоришь? – Качает головой дед, – А я вижу, что одёжка у тебя не наша. Где ж ты горе мыкал, сердешный?

– В Кафе, – отвечает Максим, – Семнадцать лет.

Дед Сирко смотрит в спину Максиму и сочувственно крестится.

– Господи помилуй, сколько времени! А родом откуда?

– С Лиманов.

Тут дед оживает:

– С Лиманов? Я тоже оттуда. Как родителей твоих звали?

Может, я знаю...

– Не помню, деду, – вздыхает Максим, – Мне ж восемь лет было, когда меня татары в плен погнали.

– Так, выходит, ты домой возвращаешься.

– Выходит.

Их перебивает шум впереди. Они бросаются в небольшой овражек, чтобы не столкнуться с противником. Сидят в укрытии.

– А ты как попал к туркам, дед? – тихо спрашивает у деда

Максим.

– Рыбу ловил и не заметил, как они ко мне подобралась, – рассказывает тот.

– Зачем же они тебя ловили? – Удивляется Максим, – Ты ж не солдат, военных тайн не знаешь?

– Говорят, что у них в крепости есть нечего. Друг другу – не будут, вот и хватают кого ни попадя.

Максим хмыкает, глядя на худобу деда Сирка.

– В тебе, дед, ни мяса, ни сала. Да и то, что есть, не слишком свежее.

– Чего с голодухи не сожрешь, Максим!

– Это же грех большой.

– Им все равно, – объясняет Сирко, – Они ж бусурмане!

Дед выглядывает из укрытия. Из кустов вылетает сова. Дед Сирко с перепуга хватается за сердца.

– Тьфу! Чуть не помер, дурная птица...

21

Максим и дед Сирко продолжают идти по дороге. Максим достает из сумки платок, теребит в руках. Дед Сирко обращает внимание на платок.

– Славный платок. Такой в недилю только в церковь и наряжать.

– Это платок моей матери, – сообщает Максим, – Я его в неволе все время хранил.

Темные тучи быстро затягивает небо, скрывая мириады звезд и яркий месяц. Дед Сирко с тревогой смотрит вверх.

– Видишь, как закрутило?

Небо пересекает молния и начинается проливной дождь. Максим и дед Сирко прячутся под деревом.

– Ты посмотри, как полило! – Говорит дед.

По небу прокатывается гром. И снова небо пересекает молния, ударяя в дерево, под которым прячутся Максим и дед Сирко. Они выбегают в поле. Сильный ветер подхватывает их и гонит к постоялому двору.

– Это всё неспроста! – Кричит дед Сирко, стараясь перекричать ветер, – Ей Богу неспроста. Кто-то сильно на нас разозлился.

Максим толкает деда в овраг, сам вынимает из ножен саблю, а из-за пояса нож. Принимается быстро точить ножом саблю и поднимает их вверх. Повторяет это ещё раз. В этот момент из тучи образуется молния и попадает в саблю. Максим скрещивает нож и саблю, молния отлетает назад в тучу.

Дед Сирко открывает от удивления рот. Максим прячет саблю в ножны, а нож за пояс. Дождь прекращается так резко, как и начался. Всё видимое пространство заволакивает туманом.

Удивленный дед Сирко поднимается на дорогу.

– Максим, как тебе это удалось?

– Все объясняется просто, дед, – объясняет Максим, – Молния – это сочетание уровня ионизации и движения воз-

духа. Мне осталось создать из сабли и ножа канал, по которому потекла эта энергия.

– В давние времена тебя за такое сразу бы на кол посадили, – крестится Сирко.

– Тогда люди безграмотные были, а сейчас нет. Сейчас все книжки читают, в которых всему есть научное объяснение.

– Так то ж грамотные, – машет рукой дед, – а мне, чтоб в науке разобраться пол-литра нужна.

Максим улыбается и протягивает ему бутылку с айраном.

– Вот. На. Пей! Трофейная. У турок забрал.

– Сивуха? – Спрашивает Сирко.

– У них сивухи не бывает, дед, – отвечает Максим, – Это – айран.

Дед Сирко пробует напиток, плюется. Возвращает бутылку Максиму.

– Не-е. Мне ихнее пойло не подходит. Мне, что покрепче надо.

– Крепче ничего нет.

– Вот! – Говорит дед, – По дороге в шинок зайдем. У Исаака сивуха знатная. До внутренностей пробирает.

В это время дед Сирко в тумане сталкивается с Игонькиным. Игонькин выхватывает пистолет, дед Сирко орет со страха, срывается с места, но Максим успевает схватить его за ворот.

– Смотри, дед, это наш старый знакомый – русский офицер.

Дед Сирко узнает Игонькина и успокаивается.

– И в правду – ахвицер! Ты ж в Николаев к Потемкину собирался!

– Да вот... – мнетя Игонькин, – погода подвела... туман.

– Идем с нами, – предлагает дед Сирко, – Здесь недалеко постоянный двор, а в нём – шинок. За хорошей выпивкой и смачной закуской ненастье переждать можно.

– Дед дело говорит, офицер, – поддерживает Максим, – В таком тумане к туркам попасть можно.

– А развиднется – спокойно по делу отправишься, – продолжает дед.

22

Милка отходит от кузнеца Ивана и смотрит на небо. Видя, что дождь закончился, бежит в дом, где на крыльце сталкивается с Исааком. Тот качает головой.

– Что в мире делается! То – дождь, то – солнце! Куда бедному еврею спрятаться?

– В дом, шлимазл. Куда же ещё, – советует она и заходит в дом.

Из сеновала наружу выглядывают хорунжий Чуприна, Дарина и сотник Крутиус. Они мокрые. Казаки снимают рубахи и принимают их выкручивать, а Дарина сушит волосы полотенцем.

– Не прибедняйся, Исаак, – говорит Крутиус, – Не такой

уж ты и бедный.

– А ты мои деньги считал? – Спрашивает Исаак.

– Нет.

– Так там считать нечего, сотник. Война всё рассчитала.

Одни мои слезы остались.

Под большой подводой отзывается дьяк Омелько.

– И это не всё, Исаак. Это только начало. Ты сам в дом лихо одноглазое впустил. Теперь, чтоб её выгнать, одной молитвы не достаточно.

В ворота стучат. Все тревожно смотрят в сторону ворот. Дьяк Омелько креститься.

– Еще один проклятый пожаловал! Сейчас устроит здесь дьявольскую вакханалию.

Из хлева выходит Скорик, направляясь к воротам. Крутиус качает головой, глядя, на забившегося под подводу, дьяка.

– А ты ему, Омелько, молитву прочти. Он быстро отсюда уберется.

– Прочту. И не побоюсь. Только где ты будешь, когда он свое огненное жало покажет?

– Как где? Рядом с тобою, Омелько, – говорит Крутиус, – С шашкой в руках.

Дед Сирко, Максим и Игонькин стоят у ворот постоянного двора. Дед Сирко поворачивается спиной к воротам и стучит

в них ногой. В калитке открывается маленькое окошко. В окошке показывается Скорик.

– Чего надо?

– Открывай, Скорик, – требует дед Сирко.

Скорик рассматривает Игонькина и Максима.

– Что это за злыдни с тобой, Сирко?

– Ты не очень любезен, братец! – недовольно произносит Игонькин.

– Для всех любезен не будешь, – говорит Скорик.

– Попутчики. – Отвечает дед, – Открывай!

– А деньги у них есть?

– Имеются.

Окошко в калитке закрывается.

Максим обращает внимание на подкову, прибитую на воротах. Она перевернута вверх рогами.

Через некоторое время калитка открывается. Со двора выходит Исаак. Он быстро оценивает Игонькина и Максима.

– Здравствуйте, господа путники, – улыбается хозяин постоянного двора, – Милости просим в наши скромные хоромы. Здесь вы найдете кров на ночь и хороший стол.

– Исаак, что со Скориком? – Жалуется дед, – Он сегодня, как не свой?

– Время тревожное, Сирко, – объясняет миролюбиво Исаак, – Вы простите его, господа хорошие.

– Простим, если вкусно покормишь, – соглашается Максим.

– Ещё никто не жаловался.

Скорик открывает перед ними калитку.

24

Исаак проводит гостей в дом.

– Сначала поужинаете, гости дорогие, а потом я покажу, где спать будете.

Проходя по двору, Игонькин и Максим замечают, что на большой подводе, установленной посередине двора, сидят Чуприна и Дарина.

– Принимайте гостей! – Объявляет он им.

Чуприна и Дарина с подозрением провожают гостей, обращая внимание на чужеземную одежду Максима и простецкий наряд, и офицерскую выправку Игонькина. Дарина подмигивает Игонькину.

– Примем. С большим удовольствием!

Её подмигивание замечает Чуприна. После этого смотрит на пришельца враждебно, вынимает из ножен саблю и принимается точить её оселком. Звук камня о клинок эхом разносится по всему двору.

25

Исаак заводит Игонькина и Максима в шинок. В одном

углу за столом ужинает сотник Крутиус. Во втором – кузнец Иван. Им прислуживает Милка.

– Милка, накрой стол для гостей! – Кричит Исаак.

– Сейчас! – Улыбается она и убегает на кухню.

Хая, не обращая внимания на гостей, собирает в корзины продукты для ярмарки. В шинок протискивается дьяк Омелько и внимательно следит за незнакомцами. Он размашисто крестит их и тяжело вздыхает.

– Пришли на заклятие. Спаси и сохрани!

Исаак показывает в угол, где стоит таз с водой.

– Вон там можете умыться с дороги.

Возле таза возникает Милка с кринкой горячей воды в руках и белоснежным полотенцем на плече. Максим и Игонькин идут к ней. Дед Сирко плюет на руки, вытирает их о штаны и усаживается за стол.

– У нас сегодня на ужин картопля с мясом, – сообщает Милка.

Максим улыбается в ответ и принимается умываться.

– Спасибо, хозяйшка. Будем и картоплю, и мясо.

Дьяк Омелько присаживается на лавку у стены.

– Зря вы пришли в этот вертеп, в котором поселился дьявол. Он по ночам одевается в черные одежды, приходит к грешникам и забирает их души. И к вам придёт! Молитесь!

Максим скептически хмыкает, а Игонькин, глядя на дьяка, пожимает плечами.

– Бред!

Умывшись с дороги, Максим и Игонькин усаживаются за стол. К ним подходит Исаак. Дед Сирко выкладывает на стол несколько монет.

– Давай родимую.

– Сколько?

– От одной и до бесконечности!

Исаак собирает деньги со стола, прячет в карман и удаляется в кладовую.

– Не много ли выпивки ты заказал? – Спрашивает Максим.

– Выпивки много не бывает, Максим, – объясняет дед Сирко, – Бывает мало здоровья, чтоб эту выпивку на грудь принять.

Милка ставит на стол бутылку с сивухой, три глиняные кружки и тарелку с крупно порезанными помидорами и огурцами. Сверху лежит лук с длинными зелёными перьями. Рядом кладет каравай хлеба, завернутый в вышитое полотенце. Дед Сирко сразу наливает сивуху в кружки. Они чокаются кружками.

– Будьмо! – Говорит дед.

Они пьют, занюхивают хлебом, который ломают большими кусками, и закусывают овощами. Максим кривится.

– Крепкая!

Молодой Игонькин быстро хмелеет.

– Точно!

Дед Сирко подвигается к Игонькину.

– Я тебе по секрету скажу – это все черный человек козни строит. Всю дорогу тебе перепутал.

Сильно захмелевший Игонькин стучит кулаком по столу и окидывает пьяным взором посетителей шинка: кузнеца Ивана, сотника Крутиуса, которые продолжают ужин, дьяка Омелька, неистово молящегося в углу, Скорика, колючего большим тесаком поленья на щепы, Исаака, разливающего сивуху из большого стеклянного бутылка по глиняным глечикам, Милку, убирающую пустую посуду со столов Ивана и Крутиуса, племянницу Хаю, складывающую в корзины провиант для продажи на ярмарке.

– А мне плевать! Русские офицеры его не боятся! – Кричит Игонькин.

Максим вздыхает. Дед Сирко прикусывает губу. Все поворачиваются к ним. Дьяк крестится. Крутиус плюет. Иван делает вид, что это ему не интересно. Скорик качает головой. Исаак испуганно ныряет в кладовку. Максим старается успокоить Игонькина.

– Гордись, офицер, только не надо об этом кричать на всех углах.

Игонькин вскакивает на ноги.

– Пусть все знают! И не пугают меня каким-то черным человеком.

Максим усаживает Игонькина на место. Исаак ставит перед ними ещё одну бутылку с сивухой и принимается вытирать стол.

– Ещё чего желаете, господа... э... русские офицеры?

– Позови мне черного человека, – бахвалится Игонькин, –

Я хочу поговорить с ним.

– Хорошо, – кивает Исаак, – Позову. Как скажете...

26

Исаак пишет записку, сидя за столом в комнате хозяев. Входит Милка.

Ты куда делся, шлимазл? – Обращается она к мужу, – Шинок полон гостей, а ты убежал?

Исаак прячет записку в карман.

– Мне нужно было записать последние расходы. Людей много – я могу забыть.

– Ой-вей! – Говорит она, – Исаак, ты никогда ничего не забываешь! Иди к гостям!

Исаак выходит. Милка подходит к зеркалу, закалывает заколкой волосы.

27

Максим поворачивается к пьяному Игонькину.

– Что с тобой, Серафим?

Игонькин виновато смотрит на Максима.

– Ой, Максим, сам не знаю, что творю.

– Хмель пока тебе язык развязал, а что после будет? – Говорит дед Сирко, – Побежишь всем секретное письмо показывать? Так его вмиг черный человек заберет...

Пьяный Игонькин достает письмо и крутит его перед носом деда.

– Пусть только попробует его у меня забрать!

Дед Сирко спокойно забирает письмо. Игонькин тут же отключается, уронив голову на стол. Дед Сирко передает письмо Максиму.

– Пусть оно пока у тебя побудет. От греха подальше. Утром вернёшь, когда он проспится.

Максим прячет письмо в карман сюртука. Это замечают все находящиеся в шинке, но делают вид, что ничего не видят. Исаак возвращается в шинок и подзывает свою племянницу Хаю.

– Хая, бросай всё, иди к моему брату Давиду и скажи ему, что у меня заканчиваются спички.

– Так мне ж с утра на ярмарку! – Возмущается она.

– Не спорь! – Обрывает её хозяин постоянного двора, – Иначе завтра нечем будет разводить огонь. И передай ему записку.

Хая, нехотя, отставляет в сторону корзины с провиантом. Исаак дает ей записку, заносит корзины с провиантом в кладовую и закрывает её на ключ. Хая выходит во двор.

Максим переворачивает свою кружку.

– Всё, дед? Пошли?

– Подожди, Максим, – просит дед Сирко, – я ещё не все деньги просадил.

– Завтра продолжишь, – предлагает Максим.

– Завтрева может и не быть, Максим, – говорит дед, – Вот будем мы сейчас с тобой идти, я упаду и помру, а деньги – не пропитыми останутся.

Максим машет рукой.

– Ладно, дед, пей, только скорее. Я тебя во дворе подожду.

Максим выходит из шинка.

28

Максим выходит на порог и видит Хаю.

– Куда это вас Исаак послал, на ночь глядя?

Хая останавливается и с любопытством смотрит на Максима.

– За серныками, паныч. Говорит, что завтра закончатся.

– А не боитесь?

– Не-е! Кому такая красавица, как я, нужна?

– И часто вам приходится бегать по ночам? – Спрашивает он.

– Не только по ночам, паныч, но и днем по нескольку раз, – рассказывает Хая, – Я даже в Очакове недавно была.

Максим заинтересовывается.

– В Очакове?

– У турок под боком, – сообщает она.

– А не встречали ли вы там молодого француза? – Интересно интересуется он.

– Может, и встречала, – пожимает плечами племянница Исаака, – Они мне все на одно лицо.

– Он немного на меня похож, – говорит Максим.

Хая внимательно смотрит на него и глубоко вздыхает.

– Нет, паныч. Если б такого, как вы, встретила, сразу запомнила.

Хая быстро поворачивается и уходит со двора. Максим идет следом за ней, выглядывает в открытую калитку. Хаи нигде нет.

Перед ним расстилается широкое поле подсолнухов. Вдалеке виднеются крепость, русский военный лагерь.

Максим опускается на корточки, опираясь спиной на косяк, и принимается рассматривать звездное небо, вспоминая свое детство.

29

Скорик, Исаак и Милка разносят бутылки с сивухой. Сивуху пьют все, кто находится в шинке, кроме дьяка Омелька. Она начинает действовать на гостей. Кузнец Иван вскакивает из-за стола.

– Ой, горю! Ей, Богу, горю! Ой, спасите!

Он мотается по шинку, сбивая с себя невидимое пламя. Игонькин пытается усадить Ивана на место, но тот не под-

дается. Тогда Игонькин берёт таз с водой и выливает его на Ивана. Иван бросается на него с кулаками.

– Я знаю! Это ты меня поджог!

Иван трясет Игонькина.

– Отпустите меня немедленно! – Кричит тот.

– Признавайся, это ты меня поджог? – Требует кузнец.

Игонькин, видя, что не вырвется из огромных рук Ивана, зовет помощь.

– Уймите его кто-нибудь!

Сотник Крутиус опускает Ивану таз на голову. Деревянный таз раскалывается надвое, а Ивану хоть бы что. Он поворачивается к обидчику и хватает за шкуру. Двумя руками поднимает Игонькина и Крутиуса вверх и сталкивает друг о друга. Те падают и быстро забиваются под стол. Достается и Скорику, который пытается вступить за офицера и сотника. Он получает и тоже улетает под стол.

Дед Сирко, видя это, со смехом хлопает в ладоши.

– Вот это по-нашему! Подождите меня. Я тоже кулаками помахать хочу.

Дед Сирко собирается встать, но не может.

Исаак и дьяк, чтобы успокоить кузнеца, повисают у него на руках. К разбушевавшемуся Ивану подлетает Милка.

– Быстро уймись, Иван! Чего развоевался? А-ну, прекрати! Тебе не стыдно?

Иван от стыда опускает голову, затем достает из-под стола Игонькина и Крутиуса, хватает дьяка Омелька и Исаака.

Всех усаживает на лавку.

– Извините, панове. Сам не знаю, что на меня нашло. – Потом обращается к Милке, – Принеси выпить. Для мировой.

– Вот это другое дело! – Улыбается она.

30

Второй сон Максима, который проходит на белом фоне. От украинской хаты мы видим только двери. София выходит из белоснежной хаты, видит Максима, улыбается и медленно плывёт к нему навстречу.

– Здравствуй, милый Максим! Ты почему подарок мне не принес? Я его жду, жду.

Максим протягивает платок.

– Вот, София, держи.

София гладит платок.

– Ой! Красота-то какая!

София забрасывает платок на плечи.

– Спасибо тебе, Максим.

– Пожалуйста.

– А давай я тебя за такой подарок поцелую...

София приближается к Максиму, чтобы поцеловать. Но вместо поцелуя начинает его лизать по щекам. Максим из-за этого просыпается.

31

Проснувшись, Максим видит перед собой собаку, которая облизывает его лицо.

– Отстань! Фу! – Расстраивается он, – Такой сон перебил.

Пёс убегает, а Максим снова закрывает глаза, пытаясь до-смотреть сон.

Из шинка выходит пьяный Игонькин и смотрит по сторонам. Мимо него в дом пробегает собака. Игонькин отходит в сторону, уступая ей дорогу.

32

Собака подбегает к Скорик и усаживается рядом. Скорик гладит её.

– Опять приبلуду прикармливаешь, Скорик! – Возмущается Исаак, – Гони её со двора.

– Сейчас, хозяин, – оправдывается Скорик, – только покормлю.

– Гони, я сказал! – Категорично заявляет хозяин, – Иначе сам за ней последуешь!

Скорик берет пса за холку и тащит во двор. Собака вырывается и проскакивает под ноги Исаака. Тот, испугавшись нападения, отпрыгивает назад, задевает бутылку с сивухой. Бу-

тыль падает со стола и разбивается вдребезги. Сивуха разливается по полу. Собака бросается к сивухе и принимается лакать.

Все, как замороженные смотрят за этой сценой. Первой приходит в себя Милка. Она машет на собаку полотенцем.

– А-ну, кыш отсюда! Ишь, чего удумала: сивуху наравне с гостями пить.

Крутиус и Чуприна останавливают Милку.

– погоди, Милка, – просит Крутиус, – пусть полакомиться! Не всегда у пса радость такая.

– Пей, мордатая! – Говорит Чуприна, – Все равно добро пропадает.

33

Максим сидит у открытой калитки ворот, откинувшись на косяк и закрыв глаза.

Из темноты выходит черный человек и останавливается рядом с калиткой. Он в черном плаще, капюшон которого наброшен на голову. Лицо скрыто черной маской. На руки надеты черные перчатки. Оглянувшись по сторонам, черный человек протягивает к Максиму свои черные руки.

Игонькин, стоящий на крыльце, видит, что делает черный человек, выхватывает пистолет и стреляет.

Черный человек, взмахнув черным плащом, растворяется в темноте.

Игонькин бежит следом за ним, но тот исчезает, будто его и не было вовсе. К нему сзади подходит Максим и кладет руку на плечо. Игонькин со страха подпрыгивает. Потом видит Максима, вытирает вспотевший лоб.

– Что это было?

– Кажется, черный человек, – говорит Максим, – о котором тебе дед рассказывал.

– Так он что... – удивляется офицер, – на самом деле существует?

– Сомневаюсь... – говорит Максим.

– Но ты же сам его видел...

– Видеть – не значит верить.

– Что он от тебя хотел? – спрашивает Игонькин.

– В следующий раз узнаю, – отвечает Максим, – когда он снова на меня нападет.

– Как ты можешь так спокойно говорить? – Качает головой молодой офицер, – Он же мог тебя убить!

– Мог, – соглашается Максим, – но не успел.

Игонькин с опаской оглядывается по сторонам.

– А ты как? – интересуется Максим, – От сивухи отошел?

– Не ел с утра, – оправдывается Игонькин, – вот хмель в голову и ударил.

– Бывает, – кивает Максим, лезет во внутренний карман сюртука и достает секретное письмо. Возвращает его Игонькину.

– Держи, Серафим, и больше не пей. А то не довезешь

секретное письмо Потемкину.

Игонькин удивленно прячет письмо под рубаху.

– Как оно у тебя оказалось?

– Ты же его сам деду отдал.

Игонькин виновато вздыхает.

– Чего не сделаешь во хмелю.

34

Дед Сирко спит за столом. Вокруг собаки, которая, наладившись сивухи, прыгает и громко лает, стоят сотник Крутиус, хорунжий Чуприна, дьяк Омелько, Милка, кузнец Иван и Исаак.

– Вот чертова собака, – смеется Чуприна, – Прямо, как человек. Напилась и сразу принялась на всех гавкать.

– Что говорить? – Кивает дьяк Омелько, – Тварь Божья со всеми её достоинствами и недостатками.

– Может, еще и на задних лапках пройдетесь?

– Что ты, хорунжий, – не соглашается с Чуприной сотник Крутиус, – на задних лапках не каждый человек ходить умеет.

Собака прекращает прыгать, ложится на пол и жалобно скулит.

– Что это с ней? – Спрашивает хорунжий.

Собака опускает голову и заваливается на бок. Больше от неё не исходит ни одного звука.

– Всё правильно, – объясняет сотник, – Выпила, погуляла, и спать легла.

Милка поворачивается к Ивану.

– Вынеси собаку на сеновал, пусть там спит – пьяница!

Иван подходит к собаке, опускается на колени, чтобы подхватить, но отстраняется от неё.

– Да она сдохла!

– От сивухи ещё никто не помирал, – сообщает Чуприна.

– Вот тебе крест святой, – крестится кузнец, – Сдохла, как есть!

Рядом с Иваном опускается дьяк Омелько и тоже осматривает собаку.

– Вот что значит, справлять неестественную нужду. Где это видано, что б собака сивуху пила? Вот и сдохла!

Все крестятся. Дьяк крестит сначала себя, а потом собаку.

– Покойся с миром, пёс шелудивый!

Милка плачет. В шинок входят Максим и Игонькин.

– Что случилось? – Спрашивает офицер.

– Псина сдохла, – вздыхает Исаак.

– А как прыгала, как резвилась! – Утирает выступившие слёзы Милка.

Максим мрачнеет. Крутиус рассматривает мертвую собаку, разводит руки в стороны.

– Все под Богом ходим.

– Жаль псину, – говорит кузнец.

В шинок с охапкой дров входит Скорик. Исаак обращает-

ся к нему.

– Скорик, схорони собаку на заднем дворе.

– А что с ней случилось? – Задает вопрос тот.

– Померла.

Все крестятся.

– Что я говорил? – Вопросает дьяк Омелько, – Не послушали... Это сегодня первая смерть! Кто будет следующий?

35

Скорик выносит из шинка на руках мертвого пса. Его сопровождает Игонькин и Максим.

Из сеновала выходит Дарина видит офицера и быстро идет навстречу. Остановившись рядом, подмигивает. Игонькин вертит головой по сторонам. Дарина приближается ближе.

– Соколик, это я к тебе обращаюсь!

– Ко мне? – Удивляется офицер.

– К тебе, красавчик! – Подтверждает Дарина.

Игонькина наполняет гордость.

– Ко мне!

Максим делает вид, что ничего не замечает.

– Сегодня, когда все лягут спать, ко мне приходи! – Быстро говорит Дарина, показывая на дом.

Игонькин кивает. За спиной у Игонькина раздается кашель. Игонькин поворачивается и видит Чуприну, который

бросает на офицера зловещий взгляд. Дарина, тихо хихикая, входит в дом. Чуприна следует за ней.

К Игонькину и Максиму подходит Исаак.

– Не хотят ли гости дорогие принять баньку. С веничками.

– Благодарствуем, хозяин, но пора на боковую, – отвечает офицер, – Для солдата обед и сон главное.

Исаак продолжает агитировать.

– Банька всю вашу усталость, как рукой снимет...

– Не надо, Исаак, – отказывается Максим, – Я уже, стоя, засыпаю.

– А одежду постирать? – Не отстает хозяин постоянного двора, – Милка быстро это сделает. До утра всё просохнуть успеет.

– Хватит, Исаак, – обрывает его Максим, – показывай, где мы спать будем.

Исаак сменяет недовольство дружелюбной улыбкой.

– Как хотите. А спать будете по-солдатски. На сеновале. Ночи сейчас теплые – не замерзните.

– А в доме? – Интересуется Игонькин.

– А в доме ж всё занято, – разводит руки в стороны Исаак.

– Мог бы сразу сказать, – качает головой Максим, – Я бы уже десятый сон видел.

Игонькину и Максиму.

– Можно внизу расположиться, или наверху. Где понравится.

– Мне здесь нравится, – говорит офицер.

– А мне нет, – сообщает Максим, – Мне бы поближе к воротам, чтоб утром никого не беспокоить. Я рано поднимаюсь.

– Ближе к воротам я могу предложить другие хоромы, – кивает Исаак.

– Показывай!

Исаак поворачивается к Игонькину.

– Спокойной вам ночи!

Исаак берет охапку сена и направляется к выходу. Максим идёт за ним.

37

Исаак приводит Максима в хлев и высыпает в углу сено.

– А здесь вам подходит?

– Другое дело! – Говорит Максим, – Утром я никому мешать не буду.

– Располагайтесь!

Исаак выходит, а Максим снимает верхнюю одежду и вешает на крюк, торчащий из стены.

Исаак подходит к большой подводой, у которой стоят Дарина, Чуприна и Крутиус. Сотник располагается спать под подводой.

– Ну, и морока с этими русскими офицерами! – Жалуется Исаак.

– Это точно, – произносит Чуприна, поглядывая на Дарину, – Лезут туда, куда их не просят!

– Что за морока, Исаак? – Спрашивает она.

– Сеновал одному не подходит! – рассказывает хозяин постоянного двора, – А в хлеву, оказывается в самый раз! Рядом со скотиной!

– Странные они! – Соглашается Крутиус, думая о своем.

Исаак поворачивается к хорунжему:

– А ты, пан хорунжий, как устроился?

– А казаку всё равно, где кости бросить, – радостно отвечает Чуприна, – Лишь бы рядом баба теплая была.

Он пытается обнять Дарину, но та отстраняется от него.

– Ну, и мне пора! А то засиделась я тут!

– Я тебя провожу, – быстро предлагает Чуприна.

– Не надо, – кокетливо говорит она, – Сама дорогу найду!

Здесь близко!

Дарина берет Исаака под руку и вместе с ним идет в дом.

Чуприна смотрит им вслед.

– Это она точно на русича глаз положила!

– Да не-е, хорунжий, – успокаивает его Крутиус.

– Точно, сотник! Но я не сдамся! Я им устрою настоящий праздник любви!

Чуприна идет к дому. Крутиус вздыхает, поднимается на ноги.

– Погоди, хорунжий. Я с тобой.

39

Дед Сирко, сидя за столом, смотрит на мохнатую голову быка, висящую на стене. Бык поворачивает свой взгляд на деда и подмигивает одним глазом. Дед икает, крестится и встает из-за стола. Чтобы не упасть, он хватается за стенку.

– Вот это упился, так упился! Вроде немного и было, а ноги сами по себе, а я сам по себе. Треба отсюда выбираться, пока голова ещё на месте.

Он, опираясь на стенку, принимается передвигаться к выходу.

40

Игонькин лежит на сене, уставившись в потолок. На сеновал заглядывает Дарина и пальцем зовет его за собой. Игонькин поднимается и, как замороженный, идет за ней.

– Тихо! Чтоб казаки не видели, – произносит она пьянящим елейным голосом, – Я дверь в комнату оставлю открытой, красавчик. Там ты меня и найдешь.

Игонькин радостно кивает. В темном углу сеновала стоит черный человек и наблюдает за ними. Вокруг него клубится черный дым. Он сжимает черные руки в кулаки.

41

Зайдя в дом, Дарина заходит в первую комнату, оставив приоткрытую дверь.

Хорунжий Чуприна, следивший за Дариной, выскакивает из шинка, закрывает дверь в её комнату на ключ, а открывает соседнюю дверь. Сам снова прячется в шинке и оттуда подглядывает в коридор.

В коридоре тут же появляется Игонькин. Он дергает первую дверь. Она закрыта. Дергает вторую. Дверь открывается. Игонькин на ходу сбрасывает одежду и входит в комнату.

Чуприна возвращается из шинка. Он закрывает дверь на ключ и во вторую комнату. Поднимает одежду Игонькина, не зная, какую пакость придумать дальше. В это время сзади появляется черный человек. Черный человек поднимает вверх глиняный кувшин и с силой опускает его на голову Чуприны. Казак шатается и падает на пол без сознания. Черный человек черными руками проверяет одежду Игонькина.

Бросает её на лавку и уходит.

42

Игонькин попадает в комнату одноглазой старухи. Стоит у входа, чтобы глаза привыкли к темноте. Постепенно в темной комнате вырисовывается кровать, на которой лежит, укрытая белоснежным одеялом женщина. Игонькин радостно улыбается ей. Игонькин забирается в постель и принимается обнимать женщину. Она поворачивается. Игонькин видит, что это не Дарина, а старая страшная одноглазая баба. Та в ужасе отстраняется от него. Потом хватает подушку и начинает ею бить Игонькина.

– Ой, гвалт! Рятуйте, люди добрые!

Игонькин вскакивает с постели и бежит к двери. Та оказывается закрытой. Старуха бросает в него подушку.

– Ах, ты охайник!

– Изыди, ведьма! – Крестится он.

Одноглазая старуха мужественно бросается на него с кулаками.

– Ах, ты негодник! Я тебе сейчас покажу, змей-искуситель!

Игонькин трижды плюется через левое плечо, потом трясушимися руками достает нательный крест и выставляет перед собой.

– Крест святой защити меня от оборотня ужасного!

Он делает рывок, устремляясь к окну. Окно распахивается сразу. Игонькин ныряет в него, как в воду, спасаясь от страшной одноглазой старухи.

43

Исаак приходит к себе в комнату. Милка готовится ко сну.

– Хороша сегодня выручка? – Спрашивает она.

– Как всегда, Милка, – отвечает Исаак, – но могла быть лучше.

– Ты всегда недоволен.

– Довольны дураки и лентяи, а умным – всегда чего-то не хватает.

Милка ложится в кровать:

– Давай спать?

– А я что делаю?

Исаак раздевается и ложится рядом с ней в постель.

– Спокойной ночи, а идише коп! – Говорит Милка.

– И тебе того же, Милка! – Желает Исаак.

Они отворачиваются друг от друга в разные стороны.

44

Расстроенная Дарина, не дождавшись Игонькина, подни-

мается с кровати, одевает кофту, плахту и идет к двери.

Дергает дверь за ручку, но та оказывается закрытой. Дарина пытается открыть её, но она не поддается. Тогда она отходит вглубь комнаты, разгоняется и вышибает дверь плечом. Дарина выходит наружу.

45

Попав на сеновал, Игонькин прячется в сене. В темноте ему все звуки слышатся громче обычного. В наступившей тишине рядом с ним пролетает комар, звеня на весь сеновал. Игонькин убивает его хлопком ладоней. Хлопок звучит по сеновалу, как удар грома. Убив маленького кровопивцу, он смотрит на свои руки: ему кажется, что они полностью залиты кровью. Игонькин принимается вытирать кровь соломой, но она не вытирается.

Потом Игонькин слышит скрип дверей и выглядывает из своего укрытия. Видит в неярком свете, как по сеновалу движется черный человек. Тот останавливается возле инструментов и светящимися в темноте глазами, обводит сеновал. У Игонькина холодок пробегает по спине. Черный человек передвигается по сеновалу, заглядывая во все углы. Игонькин замирает, чтобы тот его не нашел. Черный человек выходит во двор. Игонькин крестится.

Снова раздается громкий скрип двери. Теперь уже со стороны дома. Игонькин прячется в сене. На сеновале появля-

ется Дарина.

– Соколик? А, соколик, ты где? Это я пришла! Твоя Дарина. Ну, где ты?

Дарина осматривается, проходит мимо Игонькина, не замечая того в сене. Тяжело вздыхает и выходит во двор.

Перепуганный Игонькин крестится, хватает в руки палку и очерчивает вокруг себя магический круг.

– От напасти, от злого духа, от дьявола и его проклятых детей огради меня мой магический круг!

Игонькин трижды крестится и ложится в центре круга.

46

Исаак начинает храпеть. И чем дальше, тем громче. Милка садится в кровати.

– Спи, Исаак! Крепко спи, шлимазл, тебе завтра рано вставать и трудно работать.

Милка поднимается с постели, проходит к шкафу, достает черный плащ, набрасывает на себя, волосы прячет под капюшоном, собирая их в пучок заколкой. Тихо скользит по комнате, тихо открывает дверь и тихо выходит наружу.

47

Дед Сирко, держась за стену, подходит к открытой двери в

комнату Дарины. Видя, что не сможет преодолеть открытый дверной проем, он заворачивает в комнату Дарины.

48

По двору двигается Милка, одетая в черный плащ с капюшоном. Её лицо мы не видим.

За ней, думая, что это черный человек, крадется дьяк Омелько, осеняя себя крестами.

Милка движется в сторону кузницы. Останавливается у поленницы, присаживается, что-то ищет на земле, потом поднимается и продолжает движение.

Дьяк Омелько, стараясь держаться в тени, перебежками крадется за ней. Но в какой-то момент шорох за спиной отвлекает его. Он оборачивается, но никого не видит. А когда снова собирается следить за Милкой, то нигде не находит её. За ним мелькает огромная черная тень. Дьяк Омелько, испуганно оглядывается. Поднимает с земли полено, и готовится к сражению.

– Пресвятая Владычице Богородице! К Тебе прибегаем, Заступнице наша: помози рабу Твоему Омелько...

В темном небе разбегаются тучи, открывая ярко светящуюся полную луну, которая отбрасывает свой мертвый свет на все строения постоялого двора.

Из-за поленницы на дьяка прыгает черный человек. Омелько громко орет. Черный человек сбивает его с ног,

бьет поленом по голове и скрывается в темноте.

На крик прибегают Максим и Скорик. Они бросаются к окровавленному дьяку и приводят его в чувство. Дьяк открывает глаза.

– Я говорил! Я предупреждал! – Говорит он, – Хотел сатана забрать меня в свой дьявольский полон, а не получилось. Крест животворящий защитил и оберёг меня от него. Молитесь, и вы спасётесь от его притязаний!

– Что случилось, Омелько? – Задает вопрос Максим.

– Дьявол воплотил, приходил за мной! – Рассказывает дьяк.

– А ты что? – Задает вопрос Скорик.

– А я ему молитву про Пресвятую Богородицу прочитал, – объясняет Омелько.

– Как он выглядел? – Спрашивает Максим.

– Лицо черное, руки черные, в длинном черном плаще и с капюшоном, – описывает тот напавшего на него неизвестного, – Ужас, прости Господи!

Максим понимает, что с дьяком Омелько говорить бесполезно.

– Понятно.

Максим поворачивается к Скорику:

– Несем его в шинок. Голову перевязать нужно.

Тот кивает:

– Это мы можем. И отнесём, и перевяжем.

Скорик взваливает на себя Омелька и заносит в дом. Максим осматривает место, где произошло происшествие. Нахо-

дит заколку, прячет в карман и тоже идет в дом.

49

Скорик укладывают дьяка на лавку. Следом за ним в шинок входит Максим.

– Нужна сивуха и ветошь.

– Сейчас будет, – говорит Скорик, открывает ключом кладовку и приносит кусок белой тряпки и кружку сивухи.

– Омелько, сейчас немного попечет, но зато потом заразы не будет, – предупреждает дьяка Максим, – Приготовься.

– К чему? – спрашивает Омелько.

– Сейчас узнаешь, – отвечает Максим, а далее обращается к Скорику, – Подержи его, а то рванет ещё. В Николаеве ловить будем.

Скорик обнимает Омелька. Тот, ничего не понимая, следит за действиями Максима. Максим набирает в рот сивуху и выдувает её на рану. У дьяка глаза становятся круглыми. Он открывает рот, чтобы заорать, но его перебивает Максим.

– Произносить матерные слова большой грех, Омелько.

Дьяк закрывает рот и горько плачет.

– Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, возьми грехи мира, Пастырю добрый, Небесный Врач душ и телес наших...

Максим делает перевязку.

50

Дед Сирко, держась за стенку, попадает в открытую комнату Дарины. Там он осматривается. Видит у противоположной стены кровать. Направляется к ней. Ему кажется, что кровать начинает двигаться от него по комнате. Дед идет направо, а кровать налево, и наоборот. Дед Сирко пытается поймать кровать, но она убегает. Так продолжается некоторое время. Дед Сирко осеняет кровать крестом – та замирает на месте. Дед ложится в кровать и широко крестится.

– Во имя отца и сына, и святого духа! Ам...

Дед Сирко замирает, не договорив и не докрестившись. Через мгновение по комнате разносится его громкое сопение.

51

Две черных тени мелькают по двору и исчезают у стены дома. У окна происходит какое-то движение. Затем по двору разносится громкий топот. Тени исчезают возле поленницы.

52

Третий сон Максима снова проходит на белом фоне, ко-

торый подчеркивает нереальность происходящего.

София выходит из хаты, видит Максима, улыбается и медленно плывёт к нему навстречу.

– Милый мой Максим! Ты почему подарок мне не отдаешь? Я его жду, жду.

Максим протягивает Софии платок.

– Вот.

Она его разворачивает, а платок весь в дырках. Максим пугается, что София увидит дыры, но она с любовью кутается в него.

– Ах, Максим, какой красивый платок! Весь век его буду носить.

– Ты что, София, не видишь? – Ужасается Максим, – В нем же дыры...

– Где дыры, Максим?

София поворачивается к нему, а у неё вместо глаз черные дыры. Максим от ужаса кричит и просыпается.

53

Максим просыпается в холодном поту, садится и оглядывается по сторонам.

– Это же надо, чтоб такая ерунда приснилась!

Он поднимается и, шатаясь, идет к ведру с водой, висящему на верёвке у входа в хлев. Пьет прямо из него большими глотками и снова моментально хмелеет, потому что впервые

в жизни пил крепкую сивуху и не знал, что запивать её водой нельзя.

Обращает внимание на корову, которая смотрит на него грустными глазами и вдруг начинает говорить:

– Дай мне воды! Воды дай!

Максим отступает вглубь хлева. Спиной упирается в стену. Другая корова поворачивает к нему голову и просит человеческим голосом:

– Ты слышишь, молодец, она просит воды! Дай ей воды!

Максим закрывает глаза. А когда открывает их, то видит, что коровы спокойно жуют сено. Максим выливает себе на голову из ведра остатки воды.

54

Дед Сирко просыпается и замечает, что рядом с ним на подушке лежит черт, заросший густой щетиной, уткнув в его щеку свое рыло. Дед Сирко вдыхает воздух, с ужасом смотрит на черта и моментально трезвеет. Черт открывает глаза. Дед хватается черта за морду. Голова черта оказывается в руках. Он бросает голову в сторону и с криком выбегает во двор.

Выскочив из дома, дед Сирко устремляется к воротам. Там, распахнув калитку, быстро сбегает. Крутиус, проводив деда Сирка удивленным взглядом, закрывает калитку на засов и идет к большой подводе. Из-под подводы отзывается Чуприна.

– Кто кричал?

– Чайки кричали, – говорит Крутиус, влезая на подводу, – Спокойной ночи, брат хорунжий!

– Спокойной ночи, брат сотник! – Отвечает Чуприна.

Максим готовится ко сну. Усаживается в углу хлева, прильнув к стене, и закрывает глаза. В руках крепко держит обнаженную саблю. Два факела горят тусклым пламенем, освещая середину помещения.

Факелы гаснут от возникшего вдруг сквозняка. В хлеву появляется черный человек. Он замирает у входа, затем направляясь к Максиму.

Максим слышит шаги, но в темноте ничего не видит. Зажигает спичку и видит перед собой черного человека, который тянет к нему черные руки. Максим вскакивает на ноги,

выставив перед собой саблю.

– Отдай мне письмо, – медленно говорит черный человек.

– А почему не душу? – спрашивает Максим.

– Отдай мне письмо! – Повторяет черный человек и начинает передвигаться вокруг Максима.

– Подходи ближе, – предлагает Максим, – Познакомишься с моей саблей...

Черный человек двигается по кругу ещё быстрее. Затем хватает деревянную лопату и пытается ударить Максима по голове. Но тот успевает увернуться. Черный человек быстро ретируется из хлева. Максим бежит за ним.

57

Максим выбегает во двор и смотрит по сторонам. Черного человека нигде нет.

58

Дьяк Омелько сидит на лавке в шинке, поддерживая руками перевязанную голову.

В шинок входит черный человек, проплывает по помещению мимо него и скрывается в гостевых комнатах.

Дьяк Омелько на мгновение замирает, потом трёт руками глаза, испуганно креститься. Поднимается и выглядывает в

коридор, туда, где исчез черный человек. Никого там не увидев, дьяк Омелько с облегчением выдыхает и возвращается на место. Удобно усаживается на лавке, и готовится спать.

В шинок снова заходит черный человек, проплывает по помещению мимо него в сторону гостевых комнат.

Дьяк Омелько провожает черного человека взглядом, пока тот не исчезает из вида. Дьяк креститься и, с опаской поглядывая по сторонам, выбирается из шинка во двор.

59

Игонькин беспокойно вертится на сене. Перебирается по лестнице вверх. Три раза крестится и укладывается спать.

Через мгновение в углу под сеном начинается шевеление. Игонькин поднимается на ноги и, испуганно следит за тем, что происходит. Ему кажется, что что-то невидимое, вздыбливая сено, двигается по кругу. Описав круг вокруг Игонькина, невидимое под сеном направляет к нему. Сено разлетается в разные стороны.

В самый последний момент Игонькин подпрыгивает и повисает на бревне под крышей. Сено внизу под ним начинает бурлить, как смерч. Затем из центра вылетает черное покрывало, обвивает его ноги и тащит вниз.

Игонькин из всех сил старается удержаться на бревне, но черное покрывало оказывается сильнее. Руки у Игонькина разжимаются, он падает, черное покрывало накрывает его с

головой. По всему сеновалу разносится громкий демонический смех.

Вторая серия

1

Утро. Орет петух. Солнце поднимается из-за горизонта, освещая и хутор, и крепость и дорогу, ведущую к Очакову.

На крепостной стене спят Тюркай и Ышик. На крепостную стену садится черный ворон и громко каркает. Янычары от вороньего карканья вскакивают. Ворон быстро улетает. Тюркай и Ышик оглядываются. Ышик смотрит вниз.

– Тюркай, смотри! Тот, что у нас вчера пленника отбил.

– Где? – Спрашивает Тюркай.

– По дороге бежит.

Тюркай вглядывается вдаль. Радуюсь, что может отомстить, выкладывает перед собой два пистолета и готовится стрелять из ружья.

– Сейчас я с ним быстро справлюсь.

– Далеко, – говорит Ышик, прикидывая расстояние до Максима, – Его отсюда не достанешь.

– Достану!

2

Максим бежит по дороге. Он одет в белую рубаху и штаны. Он совершает утреннюю пробежку. Максим приближается к крепости.

3

На берегу русские солдаты следят за передвижениями бесстрашного Максима. С ними Герасим – денщик Суворова.

– Смотрите, братцы, смертник бежит! – Говорит он, – Пристрелят его сейчас. Ой, пристрелят...

Солдаты наблюдают за происходящим.

4

Тюркай стреляет из ружья, видит, что промазал. Стреляет из пистолетов. Потом берет пистолеты у Ышика и стреляет из них.

5

Пули попадают в землю рядом с Максимом, но тот спо-

койно продолжает бежать, не обращая на это внимание.

6

Русские солдаты, видя, как Максим ловко уклоняется от пуля, принимаются свистеть, хлопать в ладоши, поддерживая его.

К солдатам подходит Суворов, обращает внимание на Максима.

– Кто этот молодец?

– А кто его знает, ваше высокоблагородие! – Отвечает денщик.

– Смотри: не одна пуля его не задела, – качает головой генерал-аншеф.

– Наверное, турки плохо стреляют? – Высказывает свое предположение Герасим.

– А ты сам перед янычарами, как он, пробегись, – предлагает Суворов, – тогда узнаешь!

– Не-е! – Отрицательно вертит головой денщик, – Я не хочу, ваше высокоблагородие.

– То-то же!

7

Максим останавливается на горе и принимается зани-

маться утренней тренировкой с казацкой саблей. Он вертит ею, перехватывает, рубит невидимого противника.

8

Тюркай плюется.

– Отсюда его не достать. Но ничего, Ышик, я его подстрелю, когда он будет возвращаться. Заряжай!

Тюркай и Ышик принимаются заряжать оружие.

На крепостной стене появляется Жан.

– Чего стреляли? Русские наступают?

Тюркай и Ышик вытягиваются перед Жаном.

– Никак нет, ваше превосходительство, – отвечает Тюркай, – Русский шпион...

9

Максим разгоняется и прыгает с высокой кручи в воду. Купается.

10

Жан смотрит в сторону, куда показывают ему Тюркай и Ышик. Качает головой.

– Идиоты! В него не стрелять нужно, а ловить.

– Так точно, ваше превосходительство! – Отвечает Ышик. Жан показывает на оружие янычар.

– Да и попасть из этого ружья с такого расстояния нельзя. Зря патроны тратите.

– Виноват, ваше превосходительство, – оправдывается Тюркай.

– Еще раз такое повторите, я вас сам застрелю, – приказывает Жан и бросает ещё раз взгляд на берег, где купается Максим. Не узнает его и уходит.

11

Максим выходит на берег и отправляется в обратную дорогу.

12

Тюркай со злостью провожает Максима взглядом.

– Ничего, я тебя достану, когда француз на корабль к адмиралу уедет!

13

Максим подбегает к воротам и бросает взгляд на подкову. В этот раз она висит рогами вниз.

14

Скорик выходит во двор из сеновала. Сладко зевает, широко расставив руки, потягивается. Во двор возвращается Максим.

– Доброе утро, Скорик!

– И тебе того же, – отвечает тот.

– Ты деда Сирка не видел? – спрашивает Максим.

– Где-то спит, наверное, – пожимает плечами Скорик.

Максим направляется в хлев, а Скорик идет на сеновал за сеном для скотины.

15

Скорик входит на сеновал и видит Игонькина, который лежит посередине магического круга, раскинув руки. Скорик бежит во двор.

16

Скорик выбегает на постоянный двор и громко орет.

– О, Господи! Убили! Как есть убили! Господи! Убили!

17

Максим, умывшись из ведра, надевает рубашку и слышит крик Скорика. На ходу надевая сюртук, выбегает из хлева.

18

На крик Скорика на сеновал прибегают постояльцы и гости постоялого двора. Крутиус и Чуприна, Дарина и Милка, дьяк Омелько и Исаак, кузнец Иван и Максим, одноглазая старуха. Все видят Игонькина и обступают вокруг. Дьяк Омелько показывает на магический круг.

– Это точно нечистая сила! Видите, знаки магические? Это сам сатана проводил свои дьявольские ритуалы перед тем, как забрать душу русича в преисподнюю.

– Ой, лишенько! – Пугается Дарина.

Максим приседает перед ним и щупает пульс за ухом.

– Да он живой!

Максим толкает Игонькина. Тот открывает глаза и смотрит на всех мутным пьяным взглядом. Видит одноглазую старуху, отмахивается рукой.

– Сгинь, нечистая!

Постепенно приходит в себя. Осматривает всех, находящихся на сеновале.

– А вы чего здесь?

– Так сказали, что вас убили, господин офицер, – сообщает Исаак.

– Кто сказал? – Интересуется офицер.

Все поворачиваются к Скорикку. Скорик крестится.

– Он же лежал, как покойник. Ей Богу!

– Со мной все в порядке, – успокаивает всех Игонькин, – Я, наверное, во сне сверху свалился.

Он загадочно подмигивает Дарине. Та, смущенно, опускает глаза в пол.

– Ничего не побил, Серафим? – Спрашивает Максим, – Кости целы?

Игонькин ощупывает себя и обнаруживает, что под рубахой нет секретного письма. Он лихорадочно проверяет свои вещи.

– Письмо пропало!

Все останавливаются. Игонькин поднимается наверх и переворачивает там сено. Все следят за его действиями. Игонькин обводит всех пристальным взглядом.

Максим незаметно поглядывает на всех, Исаак разводит руки в стороны, Милка качает головой, Дарина сочувственно вздыхает, дьяк Омелько крестится, Скорик плюется, кузнец Иван делает вид, что ему это неинтересно, хорунжий Чуприна задумчиво чешет бритый затылок, сотник Крутиус крутит длинные усы, а одноглазая старуха часто моргает своим единственным глазом.

Игонькин поднимается на ноги и растерянно ходит по сеновалу.

– Это ж трибунал! Да что трибунал! Это позор на весь наш род Игонькиных.

– Подожди причитать, офицер! – Останавливает его сотник, – Письма точно нет?

– Как в воду кануло, – разводит руки в стороны Игонькин.

– Давай я ещё раз проверю, – предлагает хорунжий.

Крутиус кивает. Чуприна проверяет сначала верхнюю одежду Игонькина, а потом его самого. Крутиус вопросительно смотрит в глаза Чуприне. Тот отрицательно вертит головой. Сотник вздыхает:

– Да! История!

– Это всё черный человек сделал! – Крестится дьяк Омелько.

Чуприна задумчиво крутит на голове хохол:

– Я одного понять не могу. Ну, и забирал бы этот чертов черный человек душу русича – это ладно. А зачем ему письмо генерал-аншефа Суворова понадобилось?

– Вопрос? – Кивает сотник.

– Всё! – Выкрикивает Игонькин, – Конеч!

Все смотрят на него. Тот выравнивается и гордо выходит из сеновала.

– Чего он? – Спрашивает Дарина.

– Пошёл смывать позор собственной кровью, – объясняет Крутиус.

– Это как?

– Кончать жизнь самоубийством.

Услышав страшные слова, Дарина начинает причитать. Сначала тихо, а потом все громче и громче:

– Ой, горенько какое!

За ней принимается причитать одноглазая старуха.

– На кого ж ты нас оставляешь, соколик наш ясенький?

Их поддерживает Милка.

– Ой-вей! Осиротеет мы без тебя, голубок ты наш молоденький!

– А ну, цыц! – Орет на них сотник.

Женщины мигом замолкают.

– И без ваших воплей, внутрих водовороты играют, – говорит Крутиус женщинам, а потом обращается к Чуприне, – Пошли посмотрим, чтоб он какой глупости не наделал, а то потом за него перед графом Румянцевым отвечать придется по всей строгости военного времени.

Крутиус и Чуприна выходят. Все направляются за ними.

19

Молоденький Игонькин среди инструментов выбирает ко-су. Примеряет её к горлу. В хлев входят Крутиус и Чуприна. Крутиус громко кашляет. Игонькин поворачивается к ним с прискорбным видом.

– А стреляться не пробовал? – Спрашивает Чуприна.

– Похороните меня под березою, в крайнем случае, под сосною, – просит Игонькин, – И маменьке отпишите, что погиб, мол, её геройский сын в неравном бою со смертельно опасным противником.

– Не сомневайся, отпишем, – кивает Крутиус, – И место тебе хорошее подберём, соответствующее твоему стану. На кладбище тебе ж нельзя...

– Нельзя, – подтверждает хорунжий.

– По статусу не положено, – объясняет сотник, – Самоубийца.

– На берегу можно.

– Ага. Возле оврага.

– Точно. Его там никто не найдет.

Игонькин пробует пальцем остриё косы. Режется. На пальце появляется кровь. Игонькин сунет палец в рот.

– Самому косой не получится, – комментирует Чуприна, – Для таких целей лучше серп взять.

– Ага. И наточить лучше, чтоб сразу, – советует Крутиус, – А то потом придется мучиться.

– Я оселок могу дать, – предлагает хорунжий, – Он у меня славный. Вмиг серп наточит.

Игонькин смотрит на них с удивлением. Он ждет, что те будут его отговаривать от самоубийства, а выходит наоборот.

– И не уговаривайте меня! Всё равно умру!

– Только давай скорей, – просит Крутиус, – чтоб засветло похоронить успели.

Игонькин ставит косу на место.

– Вы издеваетесь?

– Ни сколько, – отрицательно вертит головой Чуприна.

– А вот не буду я сейчас помирать! – Заявляет офицер.

– Ну, и правильно, – положительно принимает это реше-

ние сотник, – Зачем грех на душу брать.

Чуприна снова закручивает на голове хохол:

– Вот я и говорю: зачем черному человеку письмо Суво-
рова? Он же души собирает. Один ответ: незачем!

– Вот и выходит, – кивает Крутиус, – что не он это письмо
взял, а кто-то другой.

– Другой? – спрашивает Игонькин.

– Другой.

– А кто?

– Вот это и нужно выяснить, – предлагает Чуприна.

– Правильно! – Говорит сотник, – А ты – «позор»! «Смыть
кровью»! Найдешь, письмо и никакого позора не будет.

– Только трудно это будет сделать, – вздыхает хорунжий.

– А я знаю, кто нам поможет, – вдруг оживает Игонькин.

В его глазах загораются огоньки.

– Кто? – Задает вопрос Крутиус.

– Танцюра. Максим.

– Это кто?

– Вчера из плена вернулся, – рассказывает Чуприна.

– Ты уверен в этом, хорунжий? – Сомневается сотник, –

Вдруг он турецкий лазутчик.

– Если б он им был, сотник, ещё б ночью с письмом сбежал.

– А он согласится помочь?

– А мы его попросим, – предлагает Чуприна.

20

Во дворе стоят Дарина, Милка, Максим, Исаак, кузнец Иван, дьяк Омелько, одноглазая старуха и Скорик. Дверь на сеновал медленно открывается. Это служит сигналом для женщин. Они поднимают руки к небу и принимаются голосить.

– Молодой какой, а оставил нас! – Начинает Дарина.

Ей вторит одноглазая старуха.

– Ой, молодой! Ой, молодой!

Первым из сеновала бодрым шагом выходит Игонькин, надевая свитку и шапку. Женщины удивленно смотрят на него.

– Хватит меня оплакивать, милые женщины, – просит офицер.

Следом за Игонькиным во дворе появляются казаки.

– Решили мы с громадой расследовать это загадочное происшествие, – говорит сотник Крутиус, – потому как возникли у граждан людей каверзные вопросы.

– Короче, слухай, Максим, – объясняет хорунжий Чуприна, – у господина офицера до тебя дело есть.

– Какое дело? – Спрашивает Максим.

– Государственной важности! – Поднимает вверх палец

Чуприна.

Игонькин выходит вперёд.

– Максим, мы просим тебя разобраться во всем и найти пропавшее письмо...

– Найти письмо? – Удивляется Максим, – Ты шутишь? Я никогда такими вещами не занимался. Сомневаюсь, что у меня получится.

– Тогда мне остается: камень к ногам и с обрыва в воду! – Сообщает офицер, – Другого выхода, чтобы спасти свою честь, я не вижу.

– А нам слава какая? – Задает вопрос Крутиус, – Все ж будут говорить, что у нас червь завёлся.

– Который «черным человеком» называется, – продолжает Чуприна.

– Никакого черного человека нет, – категорически заявляет Максим.

– Вот и докажи это, – предлагает хорунжий, – А мы тебе поможем, правда сотник?

Крутиус важно кивает.

– Поймать его трудно будет, – задумывается Максим, – Занятие не для простого ума.

– У тебя его на двоих хватит, – хвалит Максима офицер, – Я это точно знаю.

– Ладно, – соглашается Максим, – Я попробую.

Он осматривает всех. Все облегченно выдыхают. Исаак улыбается. Милка радостно прижимается к кузнецу Ивану, а Скорик кладет тому руку на плечо. Дьяк Омелько крестится. Дарина поправляет платок, Игонькин, Крутиус и Чуприна благодарно пожимают Максиму руку.

– А дед Сирко где? – спрашивает Максим.

– Он ещё ночью, как чумной, со двора сбежал, – сообщает Крутиус.

Скорик выходит вперед.

– Если за ним сходить нужно, то я готов.

– Не надо, Скорик, – говорит Максим, – Я с ним потом разберусь.

Крутиус начальственно кашляет. Все обращают на него внимание.

– Если ты найдешь того, кто это сделал, получишь от меня благодарность, – сообщает он, – а сверху целых пять гривен.

– Я обещаю заплатить, – произносит Игонькин, – Когда мне матушка денег вышлет.

– От меня получишь бесплатное столование раз у неделю, – выходит вперед Исаак.

– А я буду прибираться в твоей хате, – нежно произносит Дарина.

– У меня хаты нет, – разводит руки в стороны Максим.

– Ну, будет же...

Максим кланяется всем в пояс. Все кланяются ему в ответ.

– Спасибо всем, – благодарит он, – Ничего мне от вас не надо. Мне Отечеству нашему помочь хочется. России нашей многострадальной...

В калитку входит трезвый дед Сирко.

– Привет, честной компании.

– Здоров будь, дед Сирко! – Отвечает хорунжий.

– Куда это ты вчера ночью чесанул? – Спрашивает сотник.

– Не куда, сотник, а от кого... – объясняет дед Сирко, –

От черта проклятого, что ко мне в постель вчера залез. Я его хотел прогнать да голову оторвал.

– Черту? Голову? – Удивляется Максим.

– Вот этими руками! – Показывает дед руки, – Вот такую голову, вот с таким рылом!

Чуприна и Крутиус переглядываются. Дед Сирко выходит на середину двора. Все с интересом рассаживаются вокруг него, готовясь слышать очередную байку.

– Да ну? Не может быть! – Не верит кузнец.

– Может! – Сообщает дед, – После такого страха у меня весь хмель из головы вышибло. Я так испугался, что только у себя дома до тямы дошёл. И то, только после того, как три раза «Спаси и сохрани» прочитал.

Все, улыбаясь, кивают головами, а дьяк Омелько поднимает вверх палец.

– Вот что молитва с человеком делает!

– Причем, я эту молитву никогда выучить не мог, как ни старался, – продолжает Сирко, – а тут каждое слово сразу

ВСПОМНИЛОСЬ.

Все смеются. Дьяк Омелько грозит деду Сирку пальцем.

– Опять богохульствуешь.

– Не опять, а снова.

Дед Сирко поворачивается к Максиму.

– Ты чего меня вчера здесь оставил, Максим? Я чуть не помер.

– Я тебе, дед, предлагал идти домой, – оправдывается тот, – но ты отказался.

– Нужно было меня силой от сивухи оторвать, раз у меня такой силы нету. Вот оно уважение к старшим. В наше время такого не было.

Все, подтверждая слова деда, кивают.

– Я, понимаешь, попал в дьявольские жернова, а тебе все равно.

– Нет, дед, – говорит Максим, – Не все равно. Мне твоя помощь нужна. Надо сложное дело распутать.

– Это мы можем, – сразу соглашается тот, – Говори, что нужно делать?

– Для начала, покажи, где ты вчера с чертом встречался?

– Идём, – предлагает дед Сирко, – Тут недалече.

Максим, Игонькин и дед Сирко идут в дом.

вается у двери, не решаясь заходить внутрь.

– Это здесь ты у черта голову оторвал? – Спрашивает Максим.

– Ага. Здеся, – подтверждает дед.

Максим осматривает комнату.

– Где же обезглавленное тело? – Интересуется Игонькин.

– Ушло, – сообщает Сирко.

– Куда?

– В потусторонний мир.

Максим заглядывает под кровать. Достает муляж головы дикого кабана. Показывает деду Сирку.

– Это она?

Дед Сирко крестится.

– Максим, что это означает? – Вырывается у Игонькина.

– Кто-то старательно всех пугал, – задумчиво отвечает

Максим.

– Зачем?

– Пока не знаю.

– Что будем делать дальше? – Задает вопрос офицер.

– Искать.

22

Максим, дед Сирко и Игонькин входят в шинок. Игонькин и дед Сирко усаживаются на лавке у входа, а Максим проходит к хозяйскому столу, становится на табурет и при-

крепляет на место муляж головы дикого кабана.

– Интересно, как это кабанья голова отсюда ко мне в постель попала? – Спрашивает Сирко, – Загадка. Без черного человека здесь точно не обошлось.

Закрепив на стене охотничий атрибут, Максим спускается вниз.

– Дед, когда я пошел спать, все гуляли в шинке?

– Не-а! – Отрицательно вертит головой дед Сирко, – Один я сидел до последнего. Все остальные раньше сдались. Сивуха всех покосила.

– Все быстро захмелели, – подтверждает Игонькин.

– Крепкая вчера у Исаака сивуха была, – облизывается дед, вспоминая вчерашнюю выпивку, – Как никогда. Даже псина упилась.

– Это та, что вчера сдохла? – Уточняет Максим.

– Ага, – кивает дед, – От сивухи и сдохла. Исаак бутыль с сивухой разбил, а пёс давай лакать. Налакался так, что сдох.

– А где сивуха разлилась? – Задает вопрос Максим.

– Аккурат там, где ты стоишь, – отвечает дед.

Максим приседает и исследует пол. Проводит по нему рукою, потом нюхает пальцы. Потом говорит деду Сирку:

– А позови-ка ты сюда Исаака.

– Это я могу.

Дед Сирко выходит из шинка во двор.

Во время дальнейшего разговора Игонькин внимательно наблюдает за действиями Максима, а тот проводит химиче-

ский анализ. Набирает кружку воды и выливает её на пол, затем макает в неё кусочек черной тряпки. Тряпку просушивает над печкой. На черной поверхности ткани выступают белые пятна. Выяснив то, что нужно, Максим бросает тряпку в огонь.

– Максим, откуда ты грамоту знаешь? – Задает вопрос Игонькин.

– Оттуда, – отвечает Максим, проводя исследования, – У меня учитель был. Баллоном звали. Француз по национальности.

– Француз? – Удивленно поднимает брови офицер.

– Француз, – повторяет Максим, – Конечно, удивительно, что у простолюдина такой учитель. Но если бы ты знал мою жизнь, не удивлялся.

– Так расскажи, буду знать.

– Про плен ты знаешь? – Начинает Максим.

– Да.

– Так вот. Тогда часто татары на Украину заглядывали и уводили женщин и детей к себе в плен. Мне повезло. Попал я в Кафу. Там на людском базаре купил меня французский дипломат для своего сына, чтоб ему не скучно было одному постигать науки.

– И чему вас учили?

– Грамоте, математике, потом химии, физике и геометрии.

– На каком языке? – Интересуется Игонькин, – На рус-

ском? На украинском?

– На французском, – говорит Максим.

Игонькин крайне удивлен:

– Как на французском? Connais-tu le francais? /Ты знаешь французский язык?/

– Pas seulement./Не только/ Ещё турецкий, татарский и английский.

В шинок входит дед Сирко. За ним идет Исаак.

– Что панам надо от бедного Исаака? – Спрашивает хозяин постоялого двора.

– Знать, что ты делал вчера ночью? – Сообщает Максим.

– То, что все люди делают по ночам, – произносит Исаак.

– Всё, Исаак, зависит от возраста, – вставляется дед Сирко, – Кто спит, а кто другим занимается.

– Чем? – Удивляется Игонькин.

Дед Сирко качает головой:

– Молодежь! Детей делает.

– Я – спал, – отвечает Исаак.

– Кто это может подтвердить? – Уточняет Максим.

– Жена моя – Милка.

– А какую ты вчера сивуху гостям подавал? – Задает второй вопрос Максим.

– Какую? – Пожимает плечами хозяин двора, – Таковую, как всегда. Могу дать попробовать.

– А где ты её хранишь?

– А зачем её хранить, она там сама лежит.

– Где?

– В кладовой.

– У кого ключи?

Исаак показывает на ключ, висящий у него за поясом.

– Вот он. Есть ещё два: У Милки и племянницы моей Хаи.

– Можно кладовую посмотреть? – Просит Максим.

– А что там смотреть? – Разводит руки в стороны Исаак, –

На мышей, которые мой хлеб жрут?

– На сивуху, – говорит Максим.

– На неё не смотреть надо, – улыбается хитро хозяин сивухи, – а пить!

С места оживает дед Сирко, до этого сидевший молча.

– Золотые слова сказал! Дай тебе Бог здоровья!

– Сначала посмотрим, а там видно будет, – заканчивает разговор Максим.

Исаак снимает с пояса ключ и открывает кладовую. Максим заходит внутрь.

23

Максим зажигает свечу и плотно закрывает дверь перед любопытным Исааком. Принимается осматривать кладовую.

На столе находит остатки растертой в порошок травы. Пробует её на вкус. Принимается изучать полки перед собой. Поднимает кринки, выставленные в ряд. Одна из них оказывается легче других. Он открывает её и смотрит содержи-

мое. В кринке находит завернутую в тряпку траву. Он прячет траву назад, задувает свечу и выходит из кладовой.

24

Все постояльцы, гости и хозяева постоялого двора сидят, облепив биндюгу со всех сторон, и следят за действиями Максима, Игонькина и деда Сирка.

Максим подходит к поленнице и берёт полено. Дед Сирко видит на нём кровь.

– Ого! Это кого тут кончили?

– Дьяка ночью кто-то по голове стукнул, – объясняет Максим.

– Черный человек. Это точно, – делает вывод дед Сирко.

Максим машет рукой Скорик. Скорик отделяется от группы и подходит к ним.

– Что ты ночью делал, Скорик? – Спрашивает у него Максим.

– Сначала с Иваном в кости играл, – вспоминает тот, – а потом спать пошёл.

– Сивуху ты разбавлял?

Скорик испуганно смотрит на Максима.

– Какую сивуху?

– Ту, которую вчера гостям подавали.

– Что ты! – Машет руками Скорик, – Мне этого не надо. Это Исаак в неё траву разную подсыпает. Чтоб крепче была.

Не я это! Я не виноват!

Скорик опускается на колени. Игонькин подходит к нему и поднимает за плечи.

– Успокойся. Бывший солдат не должен бояться.

– Правильно! – Поддерживает его дед.

– Где ты служил, Скорик? – спрашивает офицер.

– Бомбардиром у генерала Салтыкова, – сообщает бывший солдат.

К ним подходит Максим.

– Так ты с белым генералом янычар у Туртукая бил?

– А как же! – Кивает Скорик.

– А знаешь, почему Ивана Петровича Салтыкова «белым генералом» прозвали? – с неподдельным интересом смотрит на него Максим.

Скорик теряется, не зная, что ответить, но быстро находит.

– За то, что он светлый был.

Максим понимает, что Скорик врет, но улыбается ему в ответ.

– Верно!

25

Игонькин и дед Сирко сидят за столом в шинке. Максим изучает помещение: заглядывает в камин, под хозяйский стол, на котором готовят еду; рассматривает глиняные полы;

исследует стены, в поисках тайника.

Дед Сирко и Игонькин наблюдают за ним, ничего не понимая.

– Скорик не виноват, – говорит дед, – Бывший русский солдат не будет на русского офицера нападать.

– Полностью с тобой согласен, дед, – кивает Игонькин.

– Конечно, при одном условии, – останавливается Максим.

– Каком?

– Если он был солдатом.

– Что ты этим хочешь сказать? – спрашивает дед.

– А то, что каждый солдат, который воевал рядом с генералом Салтыковым, – поясняет Максим, – знал, почему его называли «белым».

– Почему?

– Потому что Иван Петрович имел привычку всегда перед боем появляться на белом коне в белом кителе и белой фуражке.

Входит Милка и принимается возиться у хозяйского стола. Максим лезет в карман и достает заколку.

– Милка, иди-ка сюда. Я тебе что-то покажу.

Милка садится за стол. Максим кладет перед ней заколку.

– Это твоя заколка, Милка?

– Моя! – отвечает она, – Я её вчера во дворе потеряла.

– Когда?

– Да ещё днём, – машет рукой Милка.

– А ночью куда ходила?

– Никуда. Дома спала, – пожимает плечами она, – Исаак может подтвердить.

– Он уже подтвердил, – кивает головой Максим.

Милка облегченно выдыхает.

– Можешь идти, Милка, – разрешает он, – И позови к нам сюда дьяка Омелька.

Милка берет свежее полотенце, кувшин с водой и выходит.

– Какая баба! – Восторгается дед Сирко, – Что она в этом Исааке нашла?

– Деньги, – говорит Игонькин.

– У неё не спрашивали, когда замуж выдавали, – возражает Максим.

– Максим, где ты заколку взял? – Спрашивает офицер.

– Вчера ночью возле поленницы нашёл, – сообщает Максим.

– Ну, Исаак и Милка убить не могли, – делает вывод дед, – Они ночью спали.

– Согласен, – поддерживает его Игонькин.

– Как сказать... – Говорит Максим, – Заколку, которую она потеряла днём, я видел на ней вечером, когда она приносила нам сивуху.

В шинок входит дьяк Омелько.

– Ищите? Не там ищите!

– А где искать, батюшка? – Задает вопрос офицер.

– В покаянии, – поучает дьяк, – Вот где нужно искать суть вещей.

– Мы потом с тобой, Омелько, поговорим о сути вещей, – перебивает его Максим, – а сейчас расскажи, что с тобой вчера произошло?

Дьяк Омелько выравнивается и демонстративно отворачивается:

– Исповедь держать буду только перед духовником на смертном одре.

– Да хоть перед самим господом Богом, Омелько, – говорит ему дед Сирко, – Тебя не исповедаться просят, а рассказать, как тебя по темечку поленом вчера одарили.

Дьяк Омелько прикладывает руку к перевязанной голове.

– В полночь это было. Вижу: черный человек идёт из дому в сторону кузни...

– О! А я что говорил! – Вставляет Сирко.

– Я за ним, – рассказывает дьяк, – Он возле поленницы остановился, поискал что-то на земле и дальше пошёл. Я на поленницу, чтобы посмотреть, что он там искал, а меня поленом по голове.

– Занятная история! – Качает головой дед.

– Спасибо, – благодарит Максим.

Дьяк Омелько поднимается и выходит из шинка.

26

Максим, Игонькин и дед Сирко направляются на сеновал. Открывают дверь. Изнутри раздается выстрел. Игонькин успевает оттолкнуть Максима, но сам получает пулю в плечо.

Максим нагибается и заскакивает на сеновал. Дед Сирко бросается к Игонькину.

27

Максим обнажает саблю и, ожидая нападения, осторожно продвигается по сеновалу. На сеновале никого не находит. Обыскав все помещение, Максим прячет саблю в ножны и выходит из сеновала в дверь, ведущую в дом.

28

В шинке тоже никого нет. Максим проходит по шинку. Сверху на него падает массивный муляж головы быка, но он успевает отойти в сторону. Голова быка рогами глубоко врежется в деревянную столешницу, пробив её насквозь.

Максим переворачивает стол и осматривается. Замечает в окне темную тень черного человека. Быстро выбегает из

Максим останавливается у окна и принимается обследовать место, на котором стоял черный человек. На земле находит отпечаток обуви. Сравнивает величину отпечатка со своей ногой. Отпечаток больше.

Затем направляется к сеновалу, где в окружении постельцев постоянного двора лежит раненый Игонькин.

– Да! Жара! – Произносит Крутиус.

– Видать Максим близко к нему подошел, – говорит Чуприна, – если он палить из пистолета начал.

– Офицера треба в хату перенести, – предлагает Скорик.

Исаак поворачивается к Ивану:

– Чего стоишь? Неси офицера в мою комнату. Милка, помоги ему!

Максим обращает внимание на обувь всех, кто находится во дворе. Все мужчины, кроме деда Сирка, обуты в сапоги.

Иван поднимает Игонькина и вместе с Милкой заносит офицера в дом. Следом за ними идут Крутиус, Чуприна, Скорик, Омелько и Исаак. Во дворе остаются Максим и дед Сирко.

– Поймал? – Спрашивает дед.

– Нет, – отвечает Максим.

– Он же мог нас убить!

– Мог.

– Скажи, Максим, а меня ты чего не подозреваешь? – Задает вопрос Сирко, – Я ведь тоже здесь был, когда письмо пропало.

– С чего это ты взял, дед? Подозревал, как и всех, – сообщает Максим, – До этого времени.

– А сейчас что изменилось?

– Ты размерами не вышел, – говорит Максим, – Посмотри, какой сапог у того, кто в нас стрелял.

– Где? – Вертит головой по сторонам дед Сирко.

Максим показывает ему под ноги. Рядом с ногой деда на земле виден такой же отпечаток сапога, как и под окном.

– Выходит, он только что был здесь, – удивленно произносит дед, – Кто ж это?

– Будем искать, – подмигивает ему Максим.

30

Иван укладывает Игонькина на кровать. Приподнимает офицера, а Милка подкладывает под него подушки, чтобы голова была выше туловища. Затем укрывает его одеялом. В комнату входят Максим и дед Сирко.

– Как он? – спрашивает Максим.

– Пуля прошла навывлет, – отвечает Игонькин.

– Уже улыбается, – говорит Малка.

– Значит, жить будешь.

– Извини, Максим, – Стонет Игонькин, – Я тебе уже не помощник...

– Ты лежи, офицер, – машет ему рукой Максим, – Я потом зайду.

Максим собирается выходить, но у двери останавливается.

– Спасибо, Серафим. Ты мне спас жизнь.

Максим и дед Сирко выходят. Милка перевязывает рану Игонькина.

31

На постоялом дворе Максим и дед Сирко беседуют с кузнецом Иваном. Огромный Иван постоянно чешет затылок.

– Сам не понимаю, чего я на него набросился.

– Когда это произошло? – Задает вопрос Максим.

– Сейчас вспомню, – задумывается кузнец, – А! После четвертого захода. Исаак тогда такую крепкую сивуху принёс. Я, как выпил, сразу загорелся. А больше я ничего не помню.

– А после ужина, что делал?

– Спать пошёл. Кто куда ходил – не знаю. Ничего не видел.

Максим удовлетворенно кивает:

– Скорика ты давно знаешь?

– Давно, – говорит Иван, – Годков двенадцать.

– Как ты с ним познакомился?

– На ярмарке, – рассказывает кузнец, – Он тогда только с армии пришёл. После ранения.

– Какого ранения?

Иван не знает, что сказать, опять чешет затылок:

– Смертельного... В ногу.

– Где же он это ранение получил? – Интересуется дед Сирко.

– На войне с туркой.

– Каким туркой, Иван? – Хмыкает дед, – Он не воевал вовсе.

Иван растерянно смотрит на Максима и деда Сирка.

– Так вы знаете?

– Что он не солдат? – Произносит Максим, – Знаем.

Иван тяжело вздыхает и виновато смотрит на Максима.

– А теперь давай сначала, Иван, – просит Максим, – Как вы с ним познакомились?

– Скорик – беглый каторжник, – сознается кузнец, – Сбежал и ко мне на ярмарке прибил.

– А ты его через Милку сюда устроил?

– Да.

– Это он поленом дьяка наградил, когда тот за Милкой следил? – Спрашивает Максим.

Иван, молча, кивает.

– А Милка к тебе приходила?

– Да, – подтверждает кузнец, – А Скорик не виноват. Он боялся, что дьяк Исааку расскажет. Он за меня и Милку бес-

покоился.

– Каторжанин, говоришь, – делает вывод Сирко, – Такому убить человека проще простого.

– Нет, – возражает Иван, – Он не мог. Честное слово. Он всё время со мной был.

– И свечку держал, когда ты с Милкой любовничал? – Не сдается дед.

– Нет. Не держал.

– Значит, мог, – утверждает Сирко.

Максим и дед Сирко отходят в сторону.

– Выходит, сивуха покрепчала после того, когда офицер объявил, что едет от Суворова с секретным письмом, – говорит Максим.

– Выходит, – соглашается дед.

К ним подбегает одноглазая старуха.

– Я жду, а вы меня не спрашиваете. Всех уже опросили, одна я осталась!

– Не трещи! – Останавливает её Сирко, – Дойдет и до тебя очередь.

– Когда дойдет? – возмущается она, – Когда рак на горе свистнет.

– Да говори уже, что хотела, – разрешает дед.

Старуха теряется, не зная, к кому обращаться.

– Кому говорить-то?

Дед Сирко показывает на Максима.

– Вот его своими байками мучай.

Одноглазая старуха приближается вплотную к Максиму и понижает голос до полусшепота.

– Не байки это, а истинная правда! Все видела...

– Чем? – Удивляется дед, – Что ж ты одним глазом смогла рассмотреть? Тут двумя не все различаю...

Но старуха продолжает, не обращая внимания на замечание деда.

– Сплю я ночью, вижу десятый сон. Будто я на ярмарке...

– Про сон ты потом расскажешь, – просит Сирко, – Говори по делу!

– Я по делу и говорю, а ты меня перебиваешь, – сообщает старуха, – Так вот: снится мне сон, будто я на ярмарке. А вокруг меня цыгане так и рыскают, так и рыскают.

– Что они возле тебя потеряли? – Не понимает дед.

– А один подскочил и давай меня, греховодник, руками тискать.

– Это он спьяну, наверное, – объясняет Сирко, – На трезвую голову такого не сделаешь.

– Тут я и проснулась!

– И?

– А он рядом лежит.

– Кто?

– Цыган и за грудь мою держится.

Дед Сирко, оценивая, смотрит на старуху:

– Где он её у тебя нашёл?

– Глянула я на него, а это не цыган, а черный человек,

только посинел в лунном свете.

Максим скрывает улыбку, слушая старуху. А та продолжает свой рассказ:

– Я – от него, а он – за мной!

– Так целую ночь и кувыркались? – спрашивает дед.

Старуха вдыхает:

– Нет. Исчез он и больше не появлялся.

– Повезло ему, – говорит Сирко.

– Спасибо вам, – благодарит Максим старуху.

– Я и погадать могу, если надо... – предлагает она.

– Не надо, – отказывается он, – Вы нам и так очень помогли.

Максим идет в дом. Дед Сирко бежит за ним.

32

Максим и дед Сирко входят в комнату. В ней находится только Игонькин. Он лежит на кровати. Максим подсаживается на табурет рядом с кроватью.

– Ну, а ты, офицер, что делал этой ночью?

Игонькин, не ожидая вопроса, смущается, кашляет, опускает взгляд вниз.

– Спал.

– С кем?

– Максим, это бестактный вопрос, – говорит Игонькин, – Сам, конечно...

– А покраснел чего, как красна девица? – Спрашивает дед Сирко.

– Ничего я не покраснел, – оправдывается офицер, – Один я спал! Один!

– Так дело не пойдёт, офицер, – стыдит Игонькина Максим, – если мы друг другу врать будем.

Тот на мгновение задумывается, потом громко выдыхает.

– Ты прав, Максим. Я был с женщиной, только не спрашивай с какой. Я не хочу бросать тень на её честь.

– И не надо! – Соглашается дед, – Молодец Дарина!

– Откуда вы узнали? – Удивляется офицер.

– У нас другой нету, – хитро улыбается Сирко, – Милка была занята... Ну, не с каргой же старой...

Игонькин смущается.

– Ой! – Хлопает себя по коленкам дед, – Я вижу, ты и там отметился. Вот пострел!

– Я дверь перепутал...

– Бывает. А Дарина – баба хорошая... Ты правильно сделал, что сдался ей милость. Будет, что вспомнить.

Игонькин улыбается.

– Ты прав, дед: не женщина, огонь!

– Вот с ней сейчас и поговорим, – предлагает Максим.

Он направляется в шинок. Дед Сирко идет за ним. Максим останавливается.

– Я сам, – говорит он Сирку, – Ты, дед, её смущать будешь.

– Да она сама, кого хочешь, смутить может.

– Жди здесь! А когда Дарина во двор выйдет, сотника Крутиуса и хорунжего Чуприну приведи.

33

Максим и Дарина сидят за столом.

– А я, Максим, этого и не скрываю, – рассказывает она, – Была я с ним. Всю ночь. Боевитый офицер попался!

– А как же хорунжий Чуприна? – Спрашивает Максим.

– Он всегда рядом, Максим. Он мне, как брат родной.

– Он не обиделся?

– Чего ему обижаться? – Пожимает плечами Дарина, – Я ему ничего не обещала.

– Значит, после того, как вы расстались, ты Чуприну не видела?

– Почему? Видела. Когда тайком на сеновал шла.

– Что он делал?

– Вместе с сотником Крутиусом в шинке чучело кабана со стены снимал.

Максим кивает:

– Спасибо, Дарина, можешь идти.

Она выходит. Максим слышит стон Игонькина из комнаты хозяев, поднимается и выходит в коридор.

34

Максим заходит в комнату хозяев. Раненый Игонькин безмятежно спит на кровати. Максим смотрит на него и с улыбкой хмыкает. Затем принимается осматривать комнату. Смотрит под кроватью, за сундуком, за ковром, весящим на стене. Поднимает самотканые половики. Прыгает на полу. Потом заглядывает за шкаф.

35

Максим возвращается в шинок. Здесь его уже дожидаются дед Сирко, сотник Крутиус и хорунжий Чуприна.

– Ну, рассказывайте, казаки, – сходу говорит он, – зачем вы чучело дикого кабана в комнату к деду Сирку забросили?

Дед Сирко удивлен вопросу. Чуприна и Крутиус вертятся, сидя на лавке.

– Сознавайтесь скорее, чтобы грех с души снять, – произносит Максим.

Чуприна поднимается и, бросая смущенные взгляды на деда Сирка, принимается рассказывать.

– Это я один виноват.

– Не, господа хорошие, я тоже своей вины не снимаю, – вставляет сотник Крутиус.

– Бес попутал, Максим, – кладет руку на сердце Чуприна, – У меня от ревности ум за разум заскочил.

Крутиус дополняет своего товарища с места.

– Такого казака на какого-то москаля променяла!

– Решил я Дарине и этому русичу насолить, – продолжает хорунжий.

– А я своего боевого друга поддержать. Не мог же я спокойно смотреть на его мучения.

– Я хотел испортить им любовные утехы.

– И радости.

– Я думал, что они в комнате свиданничают.

– А они на сеновале были...

Дед Сирко поднимается с лавки.

– Так, выходит, это я вам должен «спасибо» сказать за то, что у меня порты мокрые оказались из-за ваших ревностей?

– Выходит так, дед, – сознается Крутиус.

– Ну, мы же не знали, – оправдывается Чуприна, – что тебя на эту кровать черт занесёт.

Дед поворачивается к Максиму.

– Их в холодную сажать надо за то, что они покушались на мою единственную жизнь.

– Вину свою признаем полностью, – склоняет голову сотник.

– Готовы понести любое наказание, – вздыхает хорунжий.

Крутиус становится на одно колено и протягивает деду Сирку плеть.

– Накажите нас, батьку?

Чуприна становится рядом и тоже протягивает плеть.

– Ей, Богу, больше не будем.

Дед Сирко важно забирает у сотника Крутиуса плеть, стегает того по спине. Затем тоже делает Чуприне.

– Ладно. Прощаю. Но только, что это было в последний раз.

– Обещаем, батьку, – говорят те и поднимаются с колен.

– Что дальше делать будем? – Спрашивает сотник.

– Ждать вечера, – отвечает Максим, – А вечером я вам скажу, кто письмо украл.

– Ты уже знаешь? – Удивляется хорунжий.

– Раз Максим так сказал, то это точно, – говорит дед Сирко.

– Зачем тогда вечера ждать?

– Раз Максим так сказал, значит, так надо.

36

Часы с кукушкой, висящие на стене в шинке показывают: «11–10». Все сидят за столами, молча, поглядывая на Максима. Максим пьёт молоко и чего-то ждет. Постояльцы нервничают.

Часы показывают: «11–30». Только Исаак и Милка спокойны и занимаются работой. Они успевают подносить еду и выпивку то к одному столу, то к другому.

Часы показывают: «11–40». Все смотрят друг на друга с недоверием.

Часы показывают: «11–50». Поздно ночью дед Сирко приводит в шинок раненого Игонькина. Все приветствуют его радостными криками, поздравляя с выздоровлением.

Ровно в двенадцать часов ночи в часах принимается куковать кукушка. Все про себя ведут счет.

На дворе громко стучат в ворота. Все тревожатся. Скорик идет открывать. Исаак направляется за ним.

37

Скорик бежит через весь двор к воротам, но у ворот его опережают Максим. Он отстраняет Скорика в сторону и открывают калитку. Во двор входит Хая. Исаак кричит с крыльца.

– Хая, ты спички принесла?

– Конечно, дядя, – отвечает Хая, – Тебе сейчас отдать, или можно с дороги воды попить?

– Можно и потом.

Хая в сопровождении Исаака, Максима и Скорика идет через весь двор в дом.

Хая заходит в шинок. Следом за нею – Исаак и Максим.

– Милка, дай ей воды, – кричит Исаак, – а то она помрёт от жажды.

Милка протягивает Хае глечик с водой. Та принимается медленно пить, разливая воду. Все с нетерпением ждут, когда она напьется. Наконец, Хая ставит на стол пустой глечик и обводит всех, ничего не понимающим, взглядом.

– Что случилось? Чего столько внимания к моей скромной особе? Я ещё не померла и не вышла замуж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.